

18+

ДМИТРИЙ ЯНКОВСКИЙ

ШТУРМ БЕЗДНЫ

ОКЕАН

Цикл
ОХОТНИК

Дмитрий Янковский

**Штурм бездны: Океан.
Цикл «Охотник»**

«Издательские решения»

Янковский Д.

Штурм бездны: Океан. Цикл «Охотник» / Д. Янковский —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-554768-2

Первые серьезные победы в охоте на биотехнологических тварей радуют, но не дают почитать на лаврах. Год после событий романа «Штурм бездны: Море» прошел для особой команды Вершинского в тяжелых тренировках, и пришло время решиться дать биотехам новый бой, на этот раз уже всерьез. Теперь задачей Долговязого, Чайки, Чернухи, Бодрого и Чучундры станет расчистка значимой акватории в Атлантическом океане от ракетных платформ, и, после этого, закладка первой островной боевой базы охотников.

ISBN 978-5-00-554768-2

© Янковский Д.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. «Старые страхи»	6
Глава 2. «Бросок»	14
Глава 3. «Только вперед»	21
Глава 4. «Карусель»	29
Глава 5. «Волки под деревом»	39
Глава 6. «Скрытая угроза»	47
Глава 7. «Тактическая ошибка»	54
Глава 8. «Между Сциллой и Харибдой»	60
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Штурм бездны: Океан

Цикл «Охотник»

Дмитрий Янковский

© Дмитрий Янковский, 2021

ISBN 978-5-0055-4768-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. «Старые страхи»

От ветра по ковыльной степи шли серебристые волны, очень похожие на морскую рябь. Воздух был наполнен неповторимыми ароматами трав, к нему примешивался запах гидравлической жидкости от стоявшего на земле гравилета, пахла прогретая солнцем растрескавшаяся земля с блестками соли на ней, и еще в этот ансамбль вплетался едва уловимый, но очень важный для меня запах близкого моря. Турбины гравилета молчали, но степь и без этого была полна звуков – в небе, зависнув в сияющей от солнца вышине, пел жаворонок, ветер подсвистывал в стойках шасси, едва слышно шумели колышущиеся стебли. Звуки моря до моих ушей не долетали, но я знал, оно рядом.

Пилот гравилета дремал в кабине, а мне не сиделось внутри, я выбрался из бокового люка и стоял, сощурившись, подставив лицо ветру, впитывая запахи и звуки летней степи. Воротник моего повседневного мундира трепетал на ветру, рукава я закатал почти до локтя, вопреки уставу, и не из-за жары, а потому что при моем статусе в отряде охотников безобидное пренебрежение уставом позволяло делать акцент не на звании, не на должности, а именно на статусе.

Приземлились мы тут, в общем-то, без всякой значимой цели, просто чтобы не болтаться в воздухе и не тратить заряд водородных ячеек на маневрирование при ощутимом ветре, ожидая связи с кораблем. Можно было бы подождать вызова и на базе, но я намеренно этого делать не стал, так как на базе, без всякого сомнения, мне нашлось бы какое-нибудь срочное и важное дело лишь от того, что я попался бы на глаза Вершинскому. Мне жалко было этого пропитанного солнцем звенящего полдня, очень не хотелось провести его в штабе, или в тренажерном зале, или вообще в тесноте кабины симулятора, натаскивая новобранцев и демонстрируя им тонкости управления огневыми комплексами батипланов или тяжелых амфибий.

В тесную кабину мне все равно лезть придется, это уж как выпить дать, и совсем скоро, именно для этого я летел на корабль вместе с Чернухой, которая сейчас дремала в десантном отсеке. Нельзя сказать, что я этого не хотел. Нет, мне нравилась моя служба, нравилась даже больше, чем когда я представлял ее в своих мечтах задолго до того, как надел темно-синий мундир. Но мне жалко было этого звенящего полдня. В последнее время нагрузки на членов нашей команды были высокими, к тому же Вершинский их неуклонно повышал, от чего простые радости жизни, вроде сегодняшней, были нам почти недоступны. Просто постоять, подставив лицо ветру и послушать жаворонка. Я стоял, слушал, и мне было по-настоящему хорошо.

Позади меня хрустнула земля под штурмовыми ботинками, это Чернуха, надремавшая в прохладе десантного отсека, тоже выбралась наружу, размять кости.

– Классно тут, – произнесла она.

– Сам стою и прусь, – ответил я. – Целый день тут провел бы с превеликим удовольствием.

– Я тоже. И ночь.

– Рыбы бы наловили, – попробовал я уйти от развития ночной темы, – зажарили бы на костре, потом бы лежали в траве, пялясь на звезды и слушая сверчков.

Чернуха улыбнулась.

Странные это были мечты. Ведь никто бы не остановил нас, если бы мы попробовали после отбоя взять гравилет со стоянки, и махнуть в степь на нем. Но после отбоя уже не хотелось, потому что до отбоя Вершинский нам так давал пропотеть, что к вечеру оставалось только одно желание – проглотить ужин и улечься в койку. В общем, сегодня вышло не так, как обычно, выдалось больше часа чистого отдыха и возможность помечтать о большем.

– Красота. – Чернуха уселась у моих ног прямо в траву и прижалась щекой к моему бедру.

Когда мы бывали наедине, ну, пилота можно было не рассматривать в качестве соглядатая, Чернуха редко себе отказывала в таких проявлениях своей влюбленности. Она ластилась, как кошка, и мне это было всегда намного приятнее, чем я сам в этом себе готов был признаться. С моей же стороны это было совсем не такое чувство, какое я испытывал к Ксюше.

С Ксюшей все было ясно, там любовь с детства, там, если так можно выразиться, семья, обязательства, ответственность. Все как положено. А с Чернухой у меня ничего такого не было, да и вообще не было ничего серьезного, а была только ее влюбленность в меня, которую она наедине со мной не пыталась скрывать, а я не считал нужным ее одергивать. Хотя, как разграничить серьезное с несерьезным? И что серьезнее, крепкая дружба, приносящая радость нам обоим, или секс, после которого неизвестно, как все сложится? В общем, я не был готов пресекать проявления ее влюбленности, но и не был готов изменять Ксюше.

Точнее, мне это было не нужно. Хотя Ксюша, если уж быть с собой честным, чем дальше, тем более странной становилась. В том числе, и в постели. Но с Ксюшей у нас уж точно не дружба была, в Ксюшу я был влюблен, и стань она в десять раз более странной, чем стала теперь, это бы мою влюбленность в нее никак не уменьшило. Я был готов многое ей простить и многого не заметить. Ну, или не обратить внимание, если заметил. Да, Ксюша стала очень другой за прошедший год, но это никак моего отношения к ней не поменяло.

Вообще, если честно, мне однажды приснился сон, в котором моя мама, которая давно умерла, спрашивала меня, что бы я предпочел, чтобы Ксюша погибла тогда, после падения со скалы, или чтобы выжила, но стала такой, какой стала теперь. Я ответил маме, что меня все устраивает. Это правда. Но сам факт такой постановки вопроса во сне говорил, что все не так просто, как я хотел себе внушить, иначе мое подсознание никогда бы во сне так вопрос не сформулировало. Да еще из уст мамы.

Хотя, чему удивляться? Конечно, мне не нравилось, во что превращается Ксюша. С каждой принятой дозой реликта, спасшего ее от гибели два года назад, и без которого она теперь жить не могла, в Ксюше оставалось все меньше и меньше человеческого. Иногда мне казалось, что это реликт так влияет на психику, иногда, что трудно оставаться человеком, уже не являясь им по биологическому факту, а чаще я учитывал оба аспекта. Но я точно знал, что лучше так, чем как могло быть, не окажись у Вершинского в кармане тогда расчески из реликта. Тогда бы Ксюша умерла, с гарантией, а я бы винил в этом себя, винил бы в этом Вершинского, проклял бы и его, и весь клан охотников, никогда бы сам в охотники не пошел, остался бы в нашем лагере и быстро бы опустился ниже известковой пыли, покрывавшей наш карьер.

В общем, не о чем тут гадать. В Ксюшу я был влюблен до последней возможности. Но когда Чернуха вот так, по-детски непосредственно, ко мне прижималась, если никто не видел, мне было приятно. Очень. И в этом я тоже не собирался себя обманывать. Да и менять ничего не хотел. Всех все устраивало. Даже Ксюшу. Точнее ей, я подозревал, уже с полгодика было без разницы, насколько я ей верен и верен ли вообще. Она, как мне казалось, сама уже готова была переступить эту черту. Стабильность ее психологического состояния в реликтовом цикле еще год назад сильно зависела от сексуальной активности, и чем дальше, тем больше оно проявлялось. Я был на сто процентов уверен, что если она с кем-то, кроме меня, ляжет, я прощу ей такое без малейшего внутреннего сопротивления. Просто потому, что очень ее люблю. Парадокс? Нет уж, дудки. Не было в этом никакого парадокса. Парадокс подобного рода способен возникнуть лишь у того в голове, кто путает понятие любви и жажды обладания, или смешивает их в разных пропорциях. Не было у меня в отношении Ксюши и намека на собственнический инстинкт. Я ее любил, это чувство было моим достоянием, я от него, самого по себе, получал глубочайшую радость. Я рад был, что Ксюша жива, что живет она на одной со мной планете, я могу видеть ее каждый день, и даже спать с ней каждую ночь. С Ксюшей я понял, что любовь – это достояние любящего, а не того, кого любят. Любовью нельзя одарить кого-то, она только тебе самому, если ты ее испытываешь к кому-то, способна подарить радость

и счастье. Она не требует ответа, если она настоящая, она вообще ничего не требует, кроме существования объекта любви. И я знал, что Чернуха ко мне испытывает такие же чувства, как я в отношении Ксюши. Как я мог ее оттолкнуть? Пусть будет счастлива от того, что я есть в ее жизни, так же, как я счастлив, что в моей жизни есть Ксюша.

В общем, нормальной эту ситуацию сложно было назвать, с точки зрения известных нам этических норм, но и нашу жизнь, как ни крути, нормальной тоже было назвать нельзя. Так что мы соответствовали среде, что называется. И материальной, и социальной. Когда каждый день ощущаешь, в большей или меньшей степени, дыхание смерти, ты не можешь жить, как обыватель, не хочешь жить, как обыватель, да и не получится у тебя жить жизнью обывателя из Метрополии, даже если изо всех сил попытаешься. Где-то я слышал фразу «на войне, как на войне». К нам она относилась в самой наиполнейшей степени. К нам ко всем, кто добровольно вошел в особую команду Вершинского, о существовании которой многие подозревали хотя бы по тому, как мы держались вместе, и как нас выделял из общей массы Вершинский. Но никто никогда об этом не заявлял. Статус Вершинского не подразумевал обсуждения его решений даже на уровне адмиралтейства.

Я погладил Чернуху по волосам, в ответ она потерлась щекой о ткань моего мундира.

– Эй, Долговязый! – окликнул меня пилот, приоткрыв боковое окошко кабины. – Есть связь с кораблем!

Пришлось возвращаться в отсек, потому что я не додумался взять с собой гарнитуру связи. Чернуха осталась сидеть в траве.

Натянув наушники на голову, я произнес по-английски:

– Здесь Долговязый, база «Керчь». Транспорт «Амбер», Долговязому на связь!

– Здесь капитан Асланбек, – ответил в эфире мужской голос на очень плохом английском. – Транспорт «Амбер» на связи с базой «Керчь».

– Мы готовы к вылету, «Амбер», дайте пеленг, – попросил я. – Канал радиокompаса двадцать три.

– Принял, база «Керчь»! Ждите пеленга на канале двадцать три. Конец связи.

Я сообщил пилоту данные для взятия пеленга и велел прогревать турбины. Когда взвыл стартер, Чернуха поднялась на ноги и поспешила к гравилету. Я подал ей руку, помогая забраться в отсек. Мы сели на скрипнувшую боковую десантную лавку и Чернуха положила мне голову на плечо.

Гравилет качнулся, оторвавшись от земли, и начал быстро разгоняться, набирая высоту. Мы взяли курс на юг, прямо к морю.

– Не могу привыкнуть, – произнесла Чернуха. – Над морем на гравилете. Понимаю, что можно, а душа все равно в пятки уходит.

– У меня тоже, – признался я.

Глупо было храбриться, глупо было прикидываться, что лететь в сторону моря совсем не страшно. Глупо врать самому себе. Все наше поколение и, парочка поколение до нас, и даже поколение Вершинского, все они с молоком матери впитали страх перед соленой водой. Каждый из нас с детства знал, что нельзя заходить в соленую воду, нельзя к соленой воде подходить, а летать над ней могут только стратосферные баллистические лайнеры. Потому что там, в глубине, живет смерть. Не какая-то там абстрактная, а воплощенная в многочисленных монстрах, которых не всякий раньше мог бы вообразить себе в кошмарных снах.

Но кто-то, давным-давно, так уж вышло, не только вообразил их, но и создал. Создал, будучи уверенным, что сможет их контролировать. Создал, чтобы монстры за него убивали других людей. Создал ради собственной победы. Создал их извращенный, но, между тем, совершенно человеческий ум. От одного этого становилось жутко. Ну и, конечно, как водится, все это вышло из под контроля. Тонны икры, созданной на биотехнологических заводах с помощью баралитола, попали в моря и океаны, твари, умные, злые, беспощадные, способные торпе-

дировать корабли, уничтожать ракетами города на побережье и даже сбивать гравилеты, стали царить в морях и океанах, загнав остатки человечества вглубь континентов. А прибрежные зоны одичали, превратились в подобие фронта, населенного авантюристами всех мастей, бандитами, работоторговцами, контрабандистами, наркодиллерами, сутенерами, проститутками, кладоискателями, мародерами, да и просто такими, каким был Вершинский. Людьюми, не способными ужиться в Метрополии, потому что им, с их способностями и амбициями, там попросту не нашлось места. Вот они и рассеялись по побережью.

Легенда гласила, что Вершинский с детства мечтал вступить в схватку с биотехами, отомстить им за гибель родителей, а затем и больше – вернуть человечеству океан. С него начинается. Не человек – машина. Хотя, конечно, он не всегда был таким. Наверное. Как бы то ни было, согласно легенде, он поначалу промышлял стрелковыми дуэлями, затем добычей и продажей на черном рынке фрагментов тел биотехов, таким образом став одним из первых, кто решился не просто подойти к соленой воде, но и убить притаившуюся в ней тварь. Затем, расчистив от биотехов какую-то бухту, он нашел на дне баржу с золотом, разбогател, собрал первую команду охотников, построил первый батиплан, и принялся крушить биотехов, сколько хватало сил.

Это, конечно, не осталось незамеченным, на связь с Вершинским вышел Альбинос, за которым стояла ни много, ни мало, а корпорация «Хокудо», и тогда Большая Охота Вершинского перешла на новый уровень, превратившись в операцию «Караван». Когда же, при помощи батиплана, удалось провести по Индийскому океану караван надводных судов до Суматры, тут уже на Вершинского все обратили внимание, и проект отряда охотников стал проектом всего человечества. Впрочем, как я теперь знал, человечеству было известно не все. Более того, ему не известно было главное – за счет чего всего один батиплан смог сразиться на поле боя, которое не по зубам оказалось целому человечеству. Я же эту причину знал. И не просто знал, эта причина, в виде таинственного реликта, всю мою судьбу разделила на «до» и «после». Впрочем, тут уж грех было жаловаться. Не появившись в моей жизни реликт, в виде обычной на вид серой расчески в кармане Вершинского, я бы так и совершал вылазки за рыбой, когда река становилась полноводной, а Дохтер продолжал бы под видом медицинских процедур «зондировать», как он выражался, наших девчонок.

Да, грех жаловаться. Теперь я охотник на биотехов, причем сильно не из последних, вхожу в особую личную команду легендарного Вершинского, меня любит замечательная девушка, и я люблю замечательную девушку, хоть и другую, у меня замечательные верные друзья, с ними мы полностью расчистили от тварей акваторию Черного моря и готовимся продолжить штурм бездны дальше, уже в океане.

Но привыкнуть к тому, что нам почти полностью удалось извести биотехов в Черном море, мы никак не могли. Умом понимали, что это так, но подсознание при приближении к соленой воде все равно поднимало шерсть дыбом. Ну, и в какой-то мере, даже на осознанном уровне, имело значение слово «почти».

Да, нам удалось уничтожить абсолютно все до единой ракетные платформы, выросшие из икринок на мелководьях вблизи Одессы и Керчи. Но это не значит, что мы уничтожили хотя бы одну икринку, и что из нее не вылупится очередная платформа. Да, мы уничтожили тысячи живых торпед и мин, патрулировавших море выше сероводородного слоя. Мы их каждый день уничтожаем до сих пор, их осталось так мало, что даже надводные корабли с ракетно-бомбовыми установками на борту сами в состоянии отбиться от единичных стай. Но это не значит, что торпед и мин не осталось вовсе, что они никогда ни на какое судно не нападут и не затопят его. До этого было еще далеко и море, не смотря на нашу, вполне оправданную эйфорию от побед, все еще представляло для людей серьезную опасность. И люди не спешили вернуться на побережье. Для нас же море было местом нашей службы, нам его точно не миновать.

Я знал, что пройдет совсем не много времени, и на этих берегах возродятся города. Что Крым, Одесса, Тамань, берега Турции, Болгарии, станут рядовыми регионами Метрополии, что тут вырастут стрелы небоскребов, новые пирсовые зоны, порты, прибрежные склады, выйдут в море рыбацкие и транспортные суда. Это неизбежно. Если повезет, я до этого даже доживу. Но пока это было не так.

Впереди по курсу блеснула серебристая полоска моря. Чернуха взяла меня за руку.

– Нам сегодня с тобой уходить в глубину, – напомнил я. – Чего нам тут дрейфить?

– В глубине я буду контролировать батиплан, а ты прикрывать нас с огневого комплекса. В глубине не так страшно, там мы охотники, а тут пока мы дичь.

В чем-то она была права. Если нас собьют, если мы упадем в море, нам там нечем будет сражаться, так как мы немного расслабились. Нет, конечно, в креплениях на переборке были зажаты три легких гарпунных карабина, но это даже не смешно при атаке нескольких стай патрульных торпед. Для настоящей битвы нужны ракеты, нужны глубинные бомбы, нужны тяжелые гарпунные карабины с дальностью поражения более двух километров, и подводные костюмы нужны, а еще лучше иметь тяжелую амфибию, вроде нашей «Мымры», или скоростной батиплан.

Батиплан у нас будет, мы за ним и летели на «Амбер». Но пока его нет, тревога не спешила покидать наши души.

На самом деле, можно было бы за батипланом послать кого-то рангом пониже нас с Чернухой. Да и переть его кораблем не было бы великой необходимости, поскольку биотехов в Черном море осталось так мало, что отбиться от них не составило бы труда, с учетом огневой мощи любого батиплана. Он мог своим ходом добраться от Турции, ничего бы с ним не случилось за две сотни миль пути. Но тут была одна загвоздка. Очень важная.

Дело в том, что батиплан не был обычной серийной моделью. Не был он и тюнингованной моделью. И особой персональной сборкой по техническим заданиям Вершинского он не был. Это была очень и очень особенная машина. Машина, без которой Вершинский не мыслил себе начала полномасштабного штурма океанской бездны. На это у него были все основания, в этом он был лучшим на земле экспертом. Но в силу обстоятельств он никому, кроме нас, не мог рассказать, в чем особенность этого батиплана.

Только мы знали, что это один из четырех, сохранившихся до наших дней, легких батипланов, созданных на верфях корпорации «Хокудо». Только мы знали, что его наружная броня покрыта тончайшим напылением из реликта, и этого достаточно, чтобы выдержать удар любой торпеды, любой мины, хоть она в сантиметре от обшивки рванет.

Это был, ни много, ни мало, а легендарный «Шпик Толстогузый», тот самый, с помощью которого Вершинский провел караван кораблей до Суматры. Второй батиплан этого класса, названный «Жирная жаба» утратил часть реликтовой брони по вине, как мы поняли, самого Вершинского, и теперь никакой ценности не представлял, кроме силовой установки с неограниченным запасом хода и ультразвуковой пушки с неограниченным боекомплектом, так как электропитание она получала от силовой установки и в других снарядах не нуждалась. Обшивка же у него, без реликта, была хлипкой, и не выдержала бы гидравлического удара даже при не очень близком взрыве. Третий и четвертый батиплан этого класса никогда, кажется, в боях не участвовали, им даже названия никто не давал, и Вершинский держал их в резерве. Они и «Жирная жаба» стояли в секретном доке на острове близ Суматры, а «Шпика» Вершинский загрузил в Бенкулу на баллистический лайнер, переправил в Турцию, там, не расчехляя, его погрузили на транспортник «Амбер», и теперь только мы его могли отогнать на базу. Или не на базу. Мы еще не получили соответствующих указаний от Вершинского. Очень уж заботился он о секретности, когда дело касалось реликта.

Когда я впервые узнал о реликте, о его свойствах, я, честно говоря, опешил. Не то чтобы эти свойства были совсем уж волшебные, или нарушали бы какие-то известные научные

законы. Нет. Если принять идею трансфера энергии между макромиром и квантовым миром, все становилось понятно. Любой кусок реликта любого объема не был броней сам по себе. Но стоило приложить к этому куску значимую энергию любой природы, от лучевой до механической, она не отражалась, не поглощалась, а за счет субатомной структуры этого вещества тут же уходила в квантовый масштаб, где и продолжала нормально существовать, не нарушая никаких законов сохранения и термодинамики. При этом не важно, к какому количеству реликта приложена сила, можно покрыть предмет микронным слоем, главное, чтобы полностью, без щелей и стыков, и его ни пулей не прошибешь уже, ни лазером, ни плазмой, и в эпицентре термоядерного взрыва он останется целым, даже не нагреется. При этом, чем больше энергии приложить к реликту за единицу времени, тем активнее и быстрее он ее поглощал.

Очень забавно было играть с расческой из реликта, пока она была в доступе. Возьмешь ее в руку, и на ладони она весит, как обычная стальная расческа, не больше. Но только пока неподвижна. А попробуешь тихонечко ей помахать, она начинает уводить часть приложенной механической энергии в квантовый мир, и возникает ощущение как бы повышенной инертности, словно она вдове больше весит. А если резко махнуть рукой с расческой, то ее уже трудно сдвинуть на старте, словно она килограмм весит. Если же воткнуть ее в землю и выстрелить из пистолета, то пуля отскочит, а расческа вообще не шевельнется. Толкни пальцем – падает, а пулей нет. Потому что слишком много энергии за краткий миг прикладывается, и вся улетает на квантовый масштаб, который мы воспринимать не можем.

То же самое, если попытаться расческу нагреть. Так померяешь ее температуру, она на полградуса холоднее воздуха. Возьмешь в руку, она становится еще немного прохладнее. Попробуешь в костер кинуть, она так охлаждается ниже нуля по Цельсию. Если же ядерным взрывом шарахнуть, наверное тут же остынет до температуры жидкого гелия.

В общем, шиворот навыворот все с этим реликтом. Ему бы цены не было, этому веществу, если бы с ним можно было что-то сделать. Но расческу ни распилить, ни лазером отрезать, ни расплавить – вообще ничего ее не берет. Только инженеры «Хокудо» знали способ как-то перевести реликт в жидкое состояние, а потом этой жидкостью что-то облить, или в форму залить, и подождать когда отвердеет.

Хотя, тут я вру. Не только инженеры «Хокудо» знали, как сделать реликт жидким. Я тоже знал, и Вершинский знал, и Чернуха, и Ксюша, и Чучндра, и Бодрый В общем, все бойцы нашего особого секретного отряда. Но от этого знания не было вообще никакого толку, так как его невозможно было использовать на практике. Жидким реликт становился при контакте с человеческой кровью. Стоит порезаться, часть расчески становилась жидкой, как воск от тепла, и затекала в рану. Это на время сильно меняло свойство человеческого тела. По сути, с телом становилось то же самое, как если бы его целиком покрыть слоем реликта. Потрогаешь кожу пальцами – кожа, как кожа. Попробуешь иголкой проткнуть – тут уж дудки, сломаешь иголку. Пуля отскочит, и даже взрыв торпеды в непосредственной близости только одежду с тебя сорвет, а самому тебе ни малейшего вреда не причинит. Если же тебя до этого ранило, реликт, попав в рану, повышает регенерацию тканей настолько, что и рана затягивается, и внутренние повреждения восстанавливаются, и становишься ты, как свежий огурец, только с грядки.

Собственно, я об этих свойствах реликта узнал, именно когда Ксюша из-за меня со скалы упала. Вершинский тогда спросил, что-то типа, чем я готов пожертвовать ради того, чтобы Ксюша выжила. Я ответил, что всем. И это было наичистейшей правдой. Я и сейчас считаю, что пусть она лучше будет какой угодно, чем ее бы вообще не было. Тем более, по моей вине.

О других свойствах реликта я узнал позже, когда оказалось, что доза, необходимая для реанимации Ксюши, оказалась настолько большой, что это вещество навсегда заняло место в ее метаболизме, и стоит циклу закончиться, Ксюша умрет, и ей нужна новая доза, чтобы снова реанимироваться. В первый месяц я со счету сбился, сколько раз она умирала у меня на руках,

а я брал расческу, делал надрез на руке Ксюши и оживлял ее снова и снова. Тогда фраза «пока смерть не разлучит нас» утратила для меня, да и для нее, всякий смысл. Затем периоды цикла стали длиннее, а через год этого ужаса Вершинский заказал на заводе особый наруч для Ксюши, куда вставил расческу, как в сейф, после чего инъекции реликта происходили автоматически, когда нужно, уже без моего участия. И никто, кроме Ксюши, получить дозу реликта уже не мог. Потому что весь известный реликт находился либо в расческе, либо в броне батипланов.

Я тогда был уверен, что Ксюша уйдет. Она к тому времени уже изменилась сильно, все меньше и меньше отягощала себя человеческими условностями. Пока ее жизнь, в виде расчески из реликта, находилась в моих руках, я чувствовал себя нужным. Но потом мою функцию взял на себя автомат. Это было не очень приятно. Но Ксюша не ушла, осталась со мной и осталась в команде. Теперь прошел еще год, все в команде к такому положению дел привыкли, и теперь обстановку можно было, пусть и с натяжкой, назвать стабильной. Старые страхи уже не так тяготили меня.

Многое произошло, прежде чем я понял все причины, по которым Вершинский держал существование реликта в тайне ото всех, кроме нас, ставших невольными свидетелями его свойств. Поначалу мне казалось, что реликта мало, и Вершинский не хотел никому давать ложных надежд на существование неуязвимой брони. Но потом я понял – дело не в этом, или не только в этом. Главное, что мало кто удержался бы от возможности сделать свое тело неуязвимым. Но это лишь верхушка айсберга, дальше хуже. Я по себе знал, после нескольких небольших доз реликта, насколько от него срывает крышу. Кажется, что ты бог, а люди вокруг – так, грязь под ногтями. Ксюша каким-то непостижимым образом контролировала это, а я бы так долго не смог, как она. Мало кто бы смог. Большинство, ощутивших такую силу и власть, ринулись бы воплощать идеи о мировом господстве. Мало нам биотехов, что ли? Не хватало еще накачанных реликтом суперменов. Нет уж, спасибо. Так что я целиком поддерживал Вершинского в сохранении этой тайны. Но и ему, и мне хотелось узнать, откуда реликт вообще взялся, почему его так мало, почему о нем никто ничего не знает. Еще мне было интересно, кому в голову пришло из столь ценного материала отлить банальную до предела расческу. Но никаких документов, ни прямых, ни косвенных упоминаний, никакой информации не нашлось ни в старых штольнях, ни на подводных шельфовых базах, оставшихся после войны. Что-то когда-то наверняка знал Альбинос, именно от него расческа досталась Вершинскому, именно Альбинос работал на корпорацию «Хокудо», где знали секрет нанесения реликта на обшивку батипланов. Но если Вершинский что-то у него выведал, со мной он не поделился.

Гравилет пролетел над широкой полосой песчаного пляжа, оставив позади степь, и мы оказались над морем. Дух захватило, конечно, но не только, и даже не столько от застарелого страха, сколько от восторга. Кроме охотников мало кто решился бы летать над соленой водой, в этом была не только наша обязанность, но и наша привилегия.

Я поднялся с сиденья, шагнул к люку и, пристегнув страховочный карабин к ремню, чуть высунулся наружу, держась за вертикальный поручень. Ветер ударил в лицо, разметав волосы, блеск воды ослепил. Я сощурился и от ветра, и от охватившей меня эйфории. Чернуха тоже не выдержала, пристегнулась вторым карабином и встала рядом со мной.

Мы летели не просто над морем. Мы летели над акваторией, отвоеванной нами у сильного и беспощадного противника. Сам факт того, что мы летели над морем говорил о нашей огромной победе, которую никто на Земле еще толком не оценил. За почти сто лет, прошедших с войны, люди привыкли обходиться без моря, они бы и дальше обошлись, но мы в отличие от них знали, чего стоит море. Старые страхи пройдут, сотрутся, и человечество в поной мере осознает ценность этой стихии, некогда породившей все живое.

Мы взялись с Чернухой за руки. Охватившее нас обоим чувство было слишком сильным для одного. А для двоих – самое то. Оно перетекало между нашими телами, подобно теплоте свету, и это еще больше сближало нас.

Минут через десять полета я увидел на юге четкий силуэт «Амбера». Гравилет начал снижаться, мы с Чернухой отстегнули карабины и уселись на место. Чувства чувствами, но показывать эмоции, особенно гражданским, охотнику не с руки. Мы же часть легенды. Мы должны быть чем-то вроде ходячих памятников самим себе. Впрочем, это было даже забавным.

Глава 2. «Бросок»

Гравилет приземлился на посадочную платформу, и первой из него выбралась на палубу транспортника Чернуха, изящным движением руки придерживав глубинный кинжал на поясе. Выпустить ее вперед было прямым приказом Вершинского, и я видел две причины, почему он так поступил.

Во-первых, среди моряков женщин почти не встречалось, слишком уж опасной и трудной была у них работа. Так что Чернуха, будучи редкой красавицей, тут же приковала к себе фокус внимания всех членов команды, наблюдавших нашу посадку с палубы. И ее выход они хорошенько запомнят, тут уж сомнений, нет, и поймут, что в отряде охотников получше, чем в морях, пойдут записываться, а нам на базе люди не будут лишними, тем более с опытом работы в море.

Во-вторых, Чернуха по штатному расписанию пилот батиплана, а значит, при отсутствии капитана, исполняет его обязанности, и по статусу она выше, чем я – обычный стрелок по штатному расписанию. Так что ей представлять базу «Керчь», не мне.

Я сошел с кромки люка следом, держа на плече легкий гарпунный карабин. Это тоже была причина, и достаточно веская. Если бы я первым оказался на палубе с таким серьезным оружием, это бы моряков напрягло, а так, после выхода Чернухи, оно воспринялось вполне естественно, мол, какой же дурак отпустит столь яркую красавицу без охраны. В общем, ни испуга, ни растерянности в глазах моряков я не заметил, один лишь восторженный блеск устремленных на Чернуху глаз. Покидать же гравилет без оружия Вершинский запретил прямым приказом, а ему виднее, что к чему.

Возможно, он считал, что так двое охотников на чужой палубе будут выглядеть более авторитетно, а возможно не относился к морякам с полным доверием. Хотя, к ним мало кто вообще относился с полным доверием, потому что время честных тружеников, по сути, в здешних водах еще не наступило. Черное море бороздили либо охотники на боевых кораблях, добывая уцелевших тварей, либо такие вот гражданские морячки с сомнительной репутацией, так или иначе запятнанной перевозкой не очень легальных грузов, из числа тех, что официально не погрузишь в баллистический лайнер. Это в лучшем случае. В худшем, могли и пиратствовать, нападая на первые рыбацкие поселения, живущие ловлей такого ценнейшего для Метрополии ресурса, как морская рыба. Стоила она диких денег, поэтому порой находились желающие рискнуть жизнью и выйти в море с сетями на небольших катерах, вооруженных ракетно-бомбовыми установками, чаще самодельными, а иногда нелегально купленными у бандитов в глубине Таманского полуострова.

Но рыбу ловить надо уметь, и соответствующее оборудование надо закупить. Это не всем по силам, не всем по умениям, и не всем по карману. Гораздо проще для некоторых было отобрать у рыбаков уже выловленную добычу, да еще без риска нарваться на биотехов. Такая, вот, прибрежная жизнь. Но, если честно, я был рад, что началась хоть такая, потому что еще год назад не было вообще никакой. Со временем, я был в этом уверен, подобные уродливые формы взаимодействия с морем обязательно перерастут во что-то куда более светлое и цивилизованное. Так всегда бывало после больших потрясений.

Я считал, что охотники не должны оставаться в стороне, когда дело касалось усилий по развитию прибрежных зон, что они, обладая мощным вооружением, отменной выучкой, сплоченностью, дисциплиной, безупречной репутацией, по мере освобождения акваторий от биотехов могли бы брать на себя полицейские функции, бороться с пиратами, контрабандистами, с незаконной торговлей оружием. Я и Вершинскому говорил об этом, а он лишь отшучивался, мол, когда умрет, тогда я и займусь, а пока есть более важные задачи, с которыми никто, кроме охотников не справится. Понятно, о чем он говорил – о возвращении челове-

ству океана. Спорить с ним было чуть более бессмысленно, чем селедкой дрова рубить, так что пока приходилось работать только на его идею фикс. К тому же, он был прав, как ни крути. Полицию не пошлешь в океан, крушить донные платформы, а охранять рыбацкие деревни ей скоро станет по силам.

Не сговариваясь, хотя у нас были гарнитуры на головах, мы с Чернухой двинулись к надстройке, ведущей к капитанскому мостику. На самом деле мне не понравилось, что нас никто не встретил, так что карабин, действительно, пусть лучше будет при мне, тут Вершинский прав. Теперь я жалел, что Чернуха почти без оружия, но тут, опять же, приказ Вершинского – карабин один на двоих. И без объяснений, что обидно. Таков уж Вершинский, тяжелый у него характер. Впрочем, на мой взгляд, он уже столько полезного сделал за свою жизнь, что оно с лихвой компенсировало несовершенства его натуры.

Наметанным глазом я прикинул число моряков на палубе. Человек тридцать. Две трети безоружные, у двоих скорострельные винтовки, еще у нескольких в кобурах старинные пистолеты еще военного производства. Но, не смотря на более чем столетний возраст, такие образцы, как БМФ-200, БМФ-400, «Рекс-Барел-12», «Атомакс-45» были оружием весьма совершенным, произведенным, можно сказать, на пике развития технологии с использованием гильзовых боеприпасов. К тому же, БМФ-400, имевший аж 54 патрона в двух магазинах, мог лупить очередями, а это, в умелых руках, могло представлять значительную угрозу. Я к ней уже внутреннее подготовился. Не нравилась мне обстановка на «Амбере», ох, не нравилась.

Казалось бы, какого дьявола Вершинскому вообще было нанимать сомнительный корабль с еще более сомнительной командой для транспортировки такой наиценнейшей штуки, как боевой батиплан? Вылетая на это задание, мы с Чернухой были уверены, что «Шпик» был доставлен с Суматры баллистическим лайнером, но Вершинский не доверял никому из пилотов на базе охотников «Анталия» настолько, чтобы позволить ему перегнать секретный батиплан. Это было понятно, ведь у «Шпика» не только броня необычная, но и силовая установка, и вооружение, этого не скроешь. Поэтому, по моей исходной версии, охотники с базы «Анталия» погрузили батиплан на транспортник, не расчехляя. Но почему на гражданский транспортник? Что мешало так же, не расчехляя, погрузить его на любой боевой корабль базы «Анталия» или базы «Босфор»?

Ответ у меня сформировался только теперь. И только теперь стало ясно, почему Вершинский велел иметь при себе карабин. Меня осенило, что «Шпик» вообще никто из охотников Причерноморья в глаза никогда не видел, что баллистик, наверняка, сел не в Анталии, а в другом месте, не подконтрольном адмиралтейству. Там его доставили к морю силами гражданской транспортной службы, погрузили на зафрахтованный «Амбер», и доставили в указанные координаты.

Ход рискованный, но Вершинский так дорожил секретом реликта, настолько не хотел выдавать его хоть кому-то, кто не узнал случайно, как мы, что пошел на такой колоссальный риск.

Эфир могли слушать, поэтому я не стал говорить в гарнитуру, а показал Чернухе жест Языка Охотников, означавший «Внимание, проявляй осторожность!». Она тут же поняла, что я или заметил нечто важное, или до чего-то важного додумался, и что нет смысла уточнять, а надо действовать по обстановке и как можно более слаженно.

Мой мозг работал на повышенных оборотах. Мысль двигалась, как учил Вершинский, по самому худшему из возможных сценариев развития событий. Если будет лучше, чем кажется, хорошо, но готовиться надо к худшему.

Если моя новая теория верна, если Вершинский зафрахтовал случайный транспортник, не ставя никого в известность из адмиралтейства, то мы сейчас запросто могли находиться на палубе самого настоящего пиратского корабля. Весело, сказать нечего. Как дальше могут развиваться события?

Самым оптимистичным сценарием можно было считать такой, где капитан Асланбек удовлетворится полученной от Вершинского суммой, и без всяких затей передаст груз в наше с Чернухой распоряжение. Но как-то на это не очень было похоже по обстановке.

Вариант похуже – капитан Асланбек еще не принял решение, что делать с грузом. Хотя бы потому, что он представления не имел, кто за ним прилетит и каким числом. Мог прилететь штурмовой отряд на трех гравилетах, высадить десант на палубу, а один гравилет держал бы «Амбер» под прицелом ракет. Никого бы тут это не удивило. Так бы и следовало сделать, так бы и было сделано, если бы Вершинский доверил свою тайну адмиралтейству. Но он ее доверить не мог никому, кроме нас.

Так что прилетело не три гравилета, а один, да еще не со штурмовым отрядом, а с одним подростком и девчонкой. Конечно, капитан Асланбек удивился, иначе и быть не могло. Поэтому нас никто не вышел встречать. Капитан еще не принял решение. Каким оно могло быть в теории? В чужую голову не залезешь, и не любил я строить предположения такого рода, но тут уж пришлось.

Наверняка еще при погрузке морякам стало ясно, что именно им пришлось взять на борт. Возможно, и скорее всего, никто из них никогда не видел боевых батипланов, но то, что это тяжеловооруженный подводный корабль с реактивным приводом, было очевидно. Даже самый технически безграмотный человек сделал бы такой вывод, а моряки не были технически безграмотными. Я попытался поставить себя на место пиратов, и понял, что от такого лакомого куска они вряд ли бы отказались по доброй воле, и вряд ли бы сочли сумму перевозки ценнее самого груза. В их положении трудно было отказаться от искушения захватить столь полезную для них вещь. Ведь владея даже одним батипланом, можно поставить на уши все побережье Турции раньше, чем слух об этом дойдет до базы охотников и прежде, чем те примут какие-то меры.

Но почему пираты просто не скрылись на «Амбере» в одной из скалистых бухт, зачем вообще было выходить с нами на связь? Погрузили бы батиплан, поняли бы, что он из себя представляет, и дали бы деру. Если они этого не сделали, значит, они уже попытались проникнуть внутрь «Шпики». Безрезультатно, естественно. Думаю, они не слабо удивились, когда не только не смогли вскрыть шлюзовой люк, но и обшивка не поддавалась их плазменным резакам. В результате они поняли, что без нас им в батиплан не попасть, наверняка сейчас капитан именно над этим раздумывает.

В отличие от него мне и без раздумий было понятно, что нас надо брать живьем. Да, ключ от шлюза мог быть у кого-то из нас в кармане, но, в то же время ключом мог быть код, или отпечатки пальцев, или еще что-нибудь посложнее. Такое не вынешь из кармана у трупа.

Скорее всего, капитан Асланбек еще не дал соответствующую команду, но я уже точно знал – огня на поражение поначалу не будет. Будет потом, когда мы с Чернухой перекошим больше половины команды. Вот, тогда нас начнут убивать. Но не раньше. Хотя нет, это меня начнут убивать. Чернуху в любом случае попытаются взять живой. По понятным причинам.

Загадкой для меня оставалось лишь одно – почему Вершинский не дал нам более четких инструкций, почему не сказал правду, что доверил батиплан махровым контрабандистам? Мы бы поняли. Мы за два года привыкли к завесе секретности вокруг много, чем были заняты. Мы привыкли к бзикам Вершинского, которые были на грани маниакальности, а то и за гранью. С другой стороны, если бы он нас накрутил изначально, мы бы сразу корабль попытались взять штурмом, а так, в принципе, оставался шанс на мирное решение всех вопросов. Маленький, такой, шансик.

Больше всего я волновался за пилота. В текущей ситуации он превратился в пешку на доске. Если начнется перестрелка, его убьют первым, наверняка для этого уже снайпер сидит на позиции. Убьют, чтобы захватить гравилет, чтобы отрезать нам путь к отступлению, чтобы не дать нам огневого превосходства в воздухе. Много причин.

Именно мысль о пилоте заставила меня перейти от раздумий к действию. Я щелкнул пальцем свободной руки по наушнику гарнитуры и произнес:

– Ты под прицелом, срочно взлетай!

Пилот, словно ждал команды, а может и ждал, опытный, он рванул рычаг вертикальной тяги антиграва, сферы Шерстюка сместились, и машина свечой взмыла в небо. С решетчатой мачты основной надстройки грохнул винтовочный выстрел, но пуля попала а посадочную площадку, когда гравилета там уже не было. Он, подобно ракете, с не хилым ускорением умчался ввысь и превратился в едва заметную точку, по которой не попасть из стрелкового оружия. Я невольно поморщился, прикинув, какие перегрузки испытал при таком старте пилот, но мне было не до глубокой эмпатии.

В общем, получалось, что я сделал первый ход и выиграл, противник ответил выстрелом и промахнулся. При этом мы с Чернухой получили не слабый козырь в виде хорошо вооруженного гравилета в воздухе, с двумя ракетными установками и пулеметом. Если понадобится, он даст нам внушительную огневую поддержку.

Дальше некоторое время вместо ума работали наши рефлексy, вбитые Вершинским на тренировках. Секунды не прошло после винтовочного выстрела, а мы с Чернухой уже перекатились в укрытие, спрятавшись за стальным кнехтом, который пуля точно не прошибет. За это время стрелок при всем желании не успел бы перевести на нас прицел. Локти я, правда, сбил о палубу, Чернуха, возможно, тоже, но в бою это не в счет.

Морячки на палубе выхватили пистолеты и вскинули винтовки. Плохо, что я не знал, как поступить дальше.

С одной стороны у нас была достаточно выигрышная позиция. Бойцы на палубе вооружены преимущественно пистолетами, а это так себе оружие против гарпунного карабина, снайперу с мачты нас не достать за кнехтом, а если кто попытается броситься в атаку, я отвечу из гарпунного карабина. Одно дело, когда пуля прошивает человека и тот падает, едва вскрикнув, совсем другое, когда гарпун влетает в грудь на такой скорости, что тело, без преувеличения, разрывает надвое, раскидывая во все стороны фонтаны крови и фрагменты плоти. Одному так прилетит, другие сильно задумаются, хотят ли они того же, или лучше не надо. В общем, попадание из легкого гарпунного карабина в живую цель обладало не только мощным останавливающим действием, но и внушительным деморализующим эффектом.

С другой стороны, использовать имеющиеся у нас преимущества для немедленного подавления противника я не хотел. И не потому, что боялся проигрыша. Нет. Я мог выкосить половину моряков на палубе за пару секунд, а еще через секунду остатки контрабандистов накроет пулеметным огнем пилот гравилета, а затем уничтожит капитанский мостик кумулятивной ракетой. Это просто и почти без риска в создавшейся ситуации. Но развивать ее в таком направлении я не хотел, потому что у нас все еще был шанс решить ситуацию вообще без жертв. Маленький, такой, шансик. И пока можно, я не хотел его упускать.

Тут выступила Чернуха. Красиво выступила, на уровне. Она щелкнула пальцем по наушнику гарнитуры и произнесла в эфир по-английски:

– Подожди, не убивай никого, может они не станут идти в атаку.

Конечно, это было не для моих ушей. Мне она могла сказать то же самое без посредства эфира, к тому же по-русски. Это предназначалось для ушей тех, кто слушал эфир.

Прошло всего секунд пять, и мы слышали в наушниках голос капитана Асланбека.

– Эй, Долговязый, не стреляй пока, – попросил он.

– Думать будешь? – спросил я, не скрывая иронии.

– Буду.

– Ну, подумай, Асланбек-джан, а то у меня руки чешутся перебить твоих головорезов и пригнать корабль на базу. Хороший корабль, нам такой нужен.

– Нас тут сто человек, а у вас один карабин, – попытался образумить меня Асланбек.

– Нет, Асланбек-джан, – ответил я. – У нас один карабин и один гравилет в воздухе. С пулеметом и ракетными установками. Через две секунды после начала боя из твоих головорезов выживут только те, кто в трюме, потому что на палубе останутся лишь кучи кишок и пятна крови, а капитанский мостик будет гореть после попадания парочки кумулятивных ракет. Малейший ответ, начнем долбить по надстройкам. Никто из вас физически голову наружу не высунет. А через пару часов, если я вызову, подойдут ракетные катера с базы «Керчь», от одного вида которых ты неделю будешь иметь жидкий стул. Глупую игру ты затеял от жадности, Асланбек-джан. Плохой бизнес.

– Ладно, давай не будем стрелять, будем говорить.

– Ну, поболтать я люблю, только ты один выстрел сделал, а я еще нет. Давай, на выбор. Или я делаю выстрел, так будет честно, или твои головорезы складывают оружие в кучу в одном конце палубы, а сами занимают место на другом. Причем, не только те, что сейчас наверху, а вся команда без исключения, включая тебя. Только если я один выстрел сделаю, это будет выстрел ракетой с гравилета по капитанскому мостику. Нормально? Тогда начнем говорить. Выбирай.

– Я выведу людей на палубу. Время нужно.

– Мы завтракали, не спешим никуда, – ответил я.

Я вызвал пилота и велел ему занять в воздухе выгодную огневую позицию на безопасной дистанции, чтобы можно было, в случае чего, увернуться от выпущенной из ружья ракеты. Выглядел он эффектно, чуть дрейфовал по ветру, маневрируя не турбинами, для экономии водорода, а рулевыми плоскостями. Опытный, очень опытный пилот.

Машины «Амбера» встали и судно легло в дрейф.

Морячки принялись разоружаться. Те, что изначально находились на палубе, складывали оружие метрах в тридцати от нас и перемещались в носовую часть судна. Другие выбирались из люков, вытащив с собой три ракетных ружья, два четырехствольных пулемета системы Гундера, несколько абордажных линеметов, а так же еще штук двадцать винтовок и пистолетов. Последним вышел, как я понял, капитан Асланбек с безгильзовой скорострелкой «Шарк-Магнум» имеющей систему впрыска жидкостного метательного состава. Штучка редкая и недешевая, но в бою довольно капризная из-за новизны технологии.

Я напрягся, когда Чернуха высунулась из-за кнехта. Конечно, если бы в нее кто-то выстрелил, пилот бы реально всех на палубе превратил в кровавую кашу, что позволяло надеяться на взвешенность решений даже самых горячих голов и на отсутствие неожиданностей. В общем-то, Чернуху даже не было смысла прикрывать из карабина при таких раскладах, но я все же был начеку.

Она поднялась на ноги и, потирая ушибленный локоть, направилась к куче оружия. Выбрала она себе пулемет системы Гундера, и повесила его на плечевом ремне так, чтобы он находился у бедра, стволами к противнику, а затем еще сунула под ремень тяжелый пистолет БМФ-400. Я, не опуская карабина, тоже поднялся и двинулся к Чернухе, не сводя прицел с приунывшей толпы. Пулемет я брать не стал, так как карабин, не смотря на меньшую скорострельность, имел ряд преимуществ, и я с ним хорошо умел обращаться, а вот отказать себе в удовольствии завладеть легендарным БМФ-400, я все же не смог и сунул его за пояс.

Капитан Асланбек к толпе обезоруженных головорезов присоединиться не стал, положил свою трещетку в общую кучу, и теперь переминался с ноги на ногу у люка ходовой надстройки, хмуро поглядывая то на нас, то на висящий на удалении гравилет.

– Как ты вообще? – поинтересовался я, подойдя к нему.

– Бывало лучше.

– Это от жадности, – заявил я тоном опытного врача. – Но проблема в другом, я думаю.

– В чем же?

– Год назад вы знали об охотниках только то, что они существуют. При этом сами охотники уже несколько десятилетий крушили биотехов в океанских глубинах. Понимаешь? Мы убиваем тварей в пучине, в их естественной среде обитания. Чего ты ждал, пытаясь сотней вооруженных головорезов одолеть трех охотников? Ох, Асланбек-джан, ты ведь изначально был обречен на поражение. Нас же трое, и хотя одна из нас безоружная девушка, мы вдвоем бы надрали задницу гораздо более многочисленному и лучше вооруженному противнику, чем ваша жалкая банда. Причину я назвал. Убивать мы учились не на людях, а на тварях, которые тысячекратно опаснее любого штурмового отряда. За год, а мы за это время выбили почти всех тварей в этом море, вы не поняли ни кто мы, ни чем от вас отличаемся, ни что нам не стоит переходить дорогу. Нас трое. Мы не сделали ни одного выстрела. Вас сотня, вооруженных до зубов. Почему же вы сложили оружие, а мы держим вас под прицелом?

Капитан Асланбек слушал, надувая ноздри от кипящей злости. Мои слова его ранили. Похоже, он был не последней шишкой среди контрабандистов и пиратов, похоже, у него за плечами осталось много побед. Мечтая завладеть батипланом он и подумать не мог, что всю его команду разоружит один пилот, парень и девушка с глубинным кинжалом в качестве оружия. До сегодняшнего дня он в это бы никогда не поверил. Зато теперь он знает, кто такие охотники, и другим расскажет. Через некоторое время это сделает нашу работу на этих берегах несоизмеримо более легкой.

В который раз я удивился прозорливости Вершинского. Как он спланировал операцию и как он ее нашими руками провернул, не имея с нами даже прямой радиосвязи! Интересно, он вообще нервничает сейчас на берегу, не зная, что происходит? Или чаек попивает на камбузе?

– Ладно, капитан, – добавил я. – Урок хороших манер закончен. Что делать с кораблем и командой, я решу, когда мы с тобой придем к какому-нибудь соглашению. Мне нужен мой подводный корабль. Тебе есть что по этому поводу возразить?

Неожиданно для меня капитан Асланбек перешел на русский.

– Ты думаешь, крутой, да? – сквозь зубы прошипел он.

Впрочем, для турка это не было чем-то запредельным, после войны многие с северного берега Черного моря перебрались на южный, но все же я вздернул брови от удивления. Правда, удивило меня не знание русского, а неприкрытая агрессия.

– Думаю, да, – спокойно ответил я.

– Крутой тот, кто может сражаться один на один с голыми руками или с ножом! – констатировал Асланбек. – А ты, малявка, щенок, прикрывшийся гравилетом. А твоя мелкая сучка...

– О, как! – Я широко улыбнулся. – Может, тогда с ней сразишься один на один?

– Что? А ну повтори что ты сказал?

– Один на один, с девчонкой. Потянешь? Чернуха, тут тебя на поединок вызывают!

Асланбек взревел и ринулся на Чернуху, стоило мне отшагнуть в сторону. Он выхватил из ножен кривой нож, но Чернуха, глянув искоса и ухмыльнувшись, свой кинжал доставать не стала. Да и я понимал, что это излишне. Она лишь сбросила с плеча пулемет, чтобы не мешал двигаться. Оказавшись на эффективной дистанции, Асланбек попытался нанести Чернухе стремительный тычковый удар ножом, но она крутанулась еще быстрее, присела, словно завинчиваясь в палубу, и, уже снизу, нанесла хлесткий удар противнику кулаком в промежность. Тот лишь крикнул, выпучил глаза, согнулся, все еще продолжая двигаться по инерции, выронил нож, и налетел на Чернуху, сгруппировавшуюся на корточках у его ног. Через миг он повалился на нее, а она схватила его за руку, резко привстала, с жутким треском ломая ему локтевой сустав, а затем провела превосходный бросок через плечо. Ноги Асланбека мелькнули в воздухе, он рухнул с высоты роста головой в стальную палубу, снова раздался треск, на этот раз шеи и костей черепа, после чего Асланбек дернулся несколько раз и затих. Из уголка рта потекла струйка крови.

Чернуха повернулась к толпе и бросила по-английски:

– Кто-то еще хочет поединок с малолетней сучкой? Можно десять на одного, если смелости хватит. Можно и двадцать, но тогда вообще без шансов, вы сами себе начнете мешать.

Ей никто не ответил. На лицах читался ужас.

– Пери! – донеслось до меня на фарси.

– Похоже желающих померяться крутизной больше нет, – обратился я к морякам. – Тогда перейдем к главному. Кто из вас суперкарго?

Глава 3. «Только вперед»

В трюм спускаться было опасно, но необходимо, потому что «Шпик», по словам супер-карго Ахмеда, находился в главном грузовом отсеке, оборудованном рельсами и кормовой аппарелью с гидравлическим приводом. Тут, внизу, в узких стальных коридорах и под едва освещенными трапами могла поджидать любая опасность. Если кто-то притаился в засаде, нам придется туго, так как тут особо не развернешься ни с пулементом, ни с гарпунным карабином. Хорошо, что взяли пистолеты, их и надо было держать наготове.

Впрочем, если бы нас ждала засада, я бы понял по наблюдаемому состоянию Ахмеда. Будь ты хоть сто раз великим актером, да хоть самым Станиславским, в ситуации, опасной для жизни, ты не сможешь притворяться беззаботным. Ахмед же почти без умолку болтал, стараясь донести до нас на сносном английском, что он всегда недолюбливал капитана, и что вообще не хотел быть пиратом, а хотел стать честным контрабандистом, возить с прибрежных заводов к границам Метрополии «золотую пыль» и там сбывать крупным дилерам. Я его почти не слушал, мне важно было не пропустить начало нападения на нас, буде такое случится.

Вершинский любил говаривать, что незаметных и бесшумных засад не бывает. То ли от своего друга-полинезийца услышал, то ли в какой-то книжке прочел, я не вникал. Но сама формулировка мне понравилась, поскольку в точности соответствовала моему жизненному опыту. Даже если «гриб» с полулитрами нитрожира закопался в землю, и его даже опавшей листвой засыпало, и он там скукожился в анабиозе, все равно по ряду признаков его можно вычислить, и нам с Ксюшей это удавалось не раз и не два в наших вылазках. Чего уж о человеке тогда говорить? Люди, во-первых, достаточно сильно воняют, особенно мужчины, особенно без присмотра женщин, особенно оторванные от цивилизации. Во-вторых, они очень шумят, сопят, чешутся, у них то газы, то отрыжка. Чтобы это уловить, не надо обладать собачьим слухом и обонянием, достаточно просто ворон на ходу не считать.

В какой-то момент мне даже показалось, что я ошибся, что Ахмед тарыхтит без умолку не потому, что доволен исходом, а чтобы скрыть собственную обеспокоенность близкой засадой и утопить возможный шум от нее в звуке своего голоса.

Чем на более низкие уровни мы спускались, тем сумрачнее становилось, тем чутче я прислушивался, но ни мой слух, ни мое обоняние ничего не улавливали.

– Вот, тут у нас главный грузовый отсек, – произнес, наконец, Ахмед, с грохотом отворяя тяжелую стальную дверь.

За ней оказалось обширное пространство, освещенное развешанными всюду гибкими трубками химических светильников. Видны были два узкоколейных рельсовых полотна, небольшой мостовой кран, несколько мощных лебедок.

В таком пространстве засаду было устроить легче всего. Люк, через который нам предстояло попасть в отсек, можно было без труда пристрелять с нескольких точек, и не дать нам носа высунуть. Меня успокаивало лишь то, что хитрый план Вершинского не дал возможности капитану подготовиться. Точнее, увидев на палубе двух подростков, он не стал заморачиваться. Недооценка противника – страшная штука.

Я выдохнул, и перешагнул высокий порог первым, хотя можно было впустить вперед Ахмеда. Но я нарочно так сделал. Я был уверен, что в случае засады Ахмед и должен войти первым, показать, что это мы прибыли, затем уйти с линии огня и залечь в заранее подготовленном укрытии. То есть, засевшие стрелки ожидают первым увидеть Ахмеда, и пока в полутьме разберутся, кто там вылез из люка, у меня будет время найти заранее подготовленное для Ахмеда укрытие, и уже оттуда ответить подобающим образом.

Но, оказавшись в отсеке, я понял, что засады нет. Асланбек, действительно, не подготовился, не принял нас всерьез, решил без затей срезать нас всех на палубе, включая пилота.

– Чисто, – произнес я по-русски.

Чернуха стволом пистолета указала Ахмеду, что его очередь протискиваться в люк и, отсчитав пару секунд, вылезла следом.

«Шпик толстогузый», закрепленный в ложементх внушительной колесной платформы, выглядел несоизмеримо более странным, чем я его себе представлял. Более уродливого подводного корабля не придумать, правда. А уж на батиплан он и вовсе не был похож. Во-первых, он был черным-причерным. Настолько черным, что его объемы глаз вообще не улавливал, словно плоский силуэт был вырезан из стальной пластины и залит черной краской. Во-вторых, сам силуэт был тот еще. Здоровенная, совершенно сферическая, корма была приделана к плоскому, похожему на клюв утконоса переду, на котором возвышался небольшой горб. Такими иногда рисовали космические корабли в довоенных комиксах.

– Ну и уродец! – прошептала Чернуха. – На этом воевать?

– Нда. – Я почесал макушку, сдвинув дугу гарнитуры на затылок. – Как-то без восторга. Мы двинулись вдоль рельсового полотна, Ахмед семенил следом.

– Когда я гоняю его на симуляторе, кажется, что совершеннее машины для глубины нет, – сказала Чернуха. – И гидродинамика, и маневренность, и скорость, все супер. А тут какая-то каракатица. Даже не пойму, где у него корма, а где нос.

– Судя по названию, корма толще, – невесело пошутил я. – Но ты права, это как раз тот случай, когда, действительно, морду от задницы не отличить.

– Я не знаю, что означает «толстогузый», – призналась Чернуха.

– То и означает. Устаревшее русское слово, означающее «толстозадый».

– Лучше так и называть. Пусть будет «Толстозадый».

– Уверен, никто не будет против. Хотя «Шпик» – название легендарное. Операция «Караван» и все такое.

– Почему шпик? Это кусок сала?

– Тьфу, на тебя. Ты так хорошо говоришь по-русски, что я от таких вопросов иногда в ступор впадаю. Шпик, это жаргонный аналог слова «шпион».

– Шпионить мы на нем точно не будем.

Мы обошли подводный корабль по правому борту. Я не удержался и потрогал обшивку. Она ничем не напоминала реликт, была черной, чуть мягкой и упругой, как кожа дельфина. Похоже, слой реликта скрывался под этой искусственной кожей.

Чернуха тоже ткнула пальцем в обшивку и заявила:

– Понятно, почему гидродинамика такая хорошая. Это покрытие под натиском воды идет волнами и срывает возникающие вихри. Умно. А реликт?

– Думаю, он глубже.

До меня вдруг дошло, насколько абсурдными были мои опасения по поводу засады. Пираты уже пытались вскрыть батиплан и не преуспели в этом. Мы им точно живыми нужны. А вот откроем шлюз, тогда и можно ждать выстрела в спину.

На самом деле, шлюз отпирался не голосовой и не биометрической командой, а совершенно доисторическим способом – кодовой пластиной, которую надо приложить к небольшому гнезду в обшивке. Но пока пираты не знали этого, им такая допотопщина вряд ли бы пришла в голову. Применение такого ключа говорило, что батиплан этот создан очень давно, задолго до войны, может быть, даже, в первые десятилетия двадцать первого века. Но зачем, если тогда еще не было биотехов? Против какого подводного врага потребовалось создавать столь сокрушительную мощь? Странно, но мысль об этом достаточно крепко засела у меня в голове, хотя надо было решать совсем другие задачи.

До меня с какой-то новой степенью очевидности дошло, что я ничего о войне не знаю, не имею представления, кто с кем и за что воевал с применением биотехов. Что было до этого, я тоже не знал. На уроках истории в школе достаточно подробно рассказывалось о древних

цивилизациях, шумерской, вавилонской, египетской, греческой и римской, не менее подробно изучалось средневековые и эпоха возрождения, упоминалась трансокеанская экспансия, покорение Нового Света, вплоть до покорения Дикого Запада, много говорилось о научно технической революции девятнадцатого века, о Первой Мировой войне, о Второй Мировой войне, о преступлениях фашизма, затем о технологических прорывах двадцатого века, о становлении ядерных и лазерных технологий, о покорении космоса. Но о двадцатом веке не говорилось почти ничего. Словно все интересное в истории человечества уже случилось, а дальше, до самой Большой Войны не происходило ничего, заслуживающего внимания. Потом Большая Война, как факт, без подробностей, потом Десятилетняя эпидемия, и дальше эра Метрополии. Все. Получалось, что не много, не мало, а сто двадцать восемь лет текущего двадцать первого века, прошедшие с его начала до начала войны, школьной историей вообще не освещены. Но ведь сто двадцать восемь лет, это чуть меньше, чем период от изобретения паровоза до полета первых станций к Юпитеру. Эти сто двадцать восемь лет, каким-то образом, привели к самой опустошительной войне на планете. Но о ее причинах ни слова. Я не мог даже вспомнить, какие стороны принимали в ней активное участие. Мне захотелось поговорить об этом с Вершинским. Не факт, что он станет что-то рассказывать, но любопытство слишком сильно одолело меня.

«Не открывай шлюз без команды», – показал я Ксюше жестах Языка Охотников.

Она чуть усмехнулась в ответ, видно было, что понимает, чего я опасаясь.

Мы продолжили обход, осмотрели дюзы реактивного привода в кормовой части, а так же маневровые дюзы в носовой части. Вокруг них не было упругой черной обшивки, лишь блестящий металл, но тоже явно не реликт, а легированная броневая сталь.

– Шлюз наверху, – сообщила Чернуха. – Но скоб, чтобы забраться, нет.

Я велел Ахмеду прикатить какой-нибудь трап, он перечить не стал, что дало нам с Чернухой возможность провести короткий военный совет.

– Что будем делать? – спросила она.

– Стоит открыть шлюз, можно легко ждать снайперского выстрела. Я не особо готов от пуль уворачиваться.

– Надо было сюда посылать Чайку вместо меня. Ей не надо уворачиваться ни от чего.

– Ага, и она батиплан бы повела через море до базы. Смешно.

Мне показалось, что Чернухе стало приятно от того, что я так ответил.

– В любом случае надо потянуть время, – прикинул я. – Наверняка у шлюза есть следы попыток взлома. Станем возмущаться, начнем переговоры...

– Ну, а потом?

– Дай мне ключ, я что-нибудь придумаю. А ты отвлекай внимание.

– Как? Сиськи показать?

– Я бы посмотрел, – честно ответил я.

– Тебе я могу показать в более спокойной обстановке, – спокойно ответила Чернуха и незаметно передала мне ключ.

Меня ее слова воодушевили на подвиги.

– Короче, – решил я. – Чтобы ни случилось, если люк вдруг откроется, первым делом прыгай туда. Броню «Толстого» ничем не взять, в шлюзе мы будем в безопасности. Насколько я понимаю, он представляет собой вертикальную шахту?

– Да.

– Тогда пуля внутрь может попасть только при выстреле точно сверху. Возможно, они это предусмотрели, возможно, нет.

– Как узнать-то? – Чернуха покосилась вверх.

Но химические светильники были развешаны так, что их свет бил в глаза, и за ними, на балках и рельсах, ничего было не разглядеть. Я хотел было ответить, но тут Ахмед подкатил

трап. Неизвестно, знает он русский или нет, лучше было не рисковать и не выдавать своих планов, даже с риском оставить Чернуху в неведении. Она сориентируется, если что, в этом уверенностью была полной.

Чернуха забралась на горбатую спину батиплана первой, я следом за ней. Ахмед остался внизу. Такое его решение еще более укрепило меня в мысли, что мы под прицелом снайпера. Люк наверху, мы наверху, Ахмеду там делать нечего, и нет ничего странного в том, что он не стал подниматься. На самом же деле таким образом он точно не попадал под огонь.

Люк шлюза не был покрыт эластичным слоем, как и рамка вокруг него, выполненная в виде кольца, шириной примерно в две ладони. И то, и другое отливало стальным блеском, оно точно не было выполнено из реликта. Чуть в стороне от гнезда, к которому следовало приложить ключ, я заметил чуть более темное пятно и понял, что именно в этом месте пираты пытались вскрыть шлюз.

Честно говоря, увиденное меня озадачило. Каким образом обычная сталь смогла противостоять жару плазменного резака? Это было решительно невозможно. Но тут меня осенило. Я понял, что конструкторы «Хокудо» покрыли реликт сначала сплошным слоем стальной обшивки, скорее всего, не очень толстым, а уже поверх металла нанесли в нужных местах эластичную оболочку. Сталь вплотную прилегалa к реликту, поэтому ее невозможно было прогреть резаком – вся энергия передавалась реликту и уходила на квантовый уровень. Взорвать, судя по всему, тоже ее было невозможно, так как кинетическая энергия, приложенная к стали, поглощалась таким же образом.

Это означало, что Вершинский нам соврал. Никак не могла его кровь случайно попасть на реликтовую обшивку. Похоже, конструкторы «Хокудо» именно этого стремились избежать – сделать невозможным случайный контакт человеческой крови с реликтом. Наверняка, они знали, что допускать этого нельзя. Судя по поведению Ксюши, да и по своим состояниям, я знал, почему именно этого лучше не допускать. Если когда-то реликта было так много, что из него броню батипланов делали, то сколько же бойцов можно было им накачать и превратить в таких, какая теперь Ксюша? Армию!

«Не против них ли, случайно, конструировались машины с такой броней?» – подумал я, ощущая, как спина холодеет от страха.

Я поделился соображениями с Чернухой.

– Не факт, что Хай врал, – задумчивым тоном произнесла она. – Для него в этом нет никакого смысла. Если бы он хотел нам впарить идею, что узнал о взаимодействии реликта с кровью случайно, он мог придумать любую историю, и мы бы ее съели ввиду отсутствия альтернативы. Кажется, дело в другом.

– В чем? – осторожно спросил я.

– Батипланы разных конструкций. Поначалу слой реликта ничем не защищали, но когда узнали, что происходит, если он в кровь попадет, стали защищать. «Жирная жаба» старой конструкции, реликтом наружу. А «Толстозадый» более поздней постройки, уже со стальной крышкой.

Версия была жизнеспособной, и я успокоился.

– Эй, Ахмед! – позвал я. – Поднимись сюда, пожалуйста!

– Зачем? – донеслось снизу.

– У меня тут подозрение, что кто-то обшивку резаком испортил. Поднимись, будь любезен.

Воцарилась тишина, которая говорила мне больше, чем любые слова. Я незаметно извлек ключ-карту из кармана, и запустил в левую штанину. Никто бы в жизни не понял, что происходит, потому что ключа у меня в руках не было. Но в это время карта скользнула у меня вдоль ноги, я незаметно подтянул штанину, а когда карта вывалилась на стыке штанины с ботинком, я наступил на нее, скрыв под подошвой.

– Готовься прыгать в люк, – напомнил я Чернухе.

Дальше мне оставалось лишь коротким движением ступни сдвинуть карту, совместив ее с гнездом замка. Но я не спешил, мне нужно было до этого сделать нечто важное. Я выхватил из-за пояса БМФ-400, поставил его на автоматический огонь и, без прицела, саданул вертикально вверх двумя довольно длинными очередями. Чернуха, умница, тут же оперла пулемет прикладом в обшивку, и начала молотить вверх из всех четырех стволов. Сверху на нас посыпались чешуйки ржавчины, мелкий сор и куски полимера от перебитых осветительных трубок.

– Осторожно! – выкрикнула Чернуха.

Я пригляделся, и увидел сначала падающую на нас снайперскую винтовку, а затем тело ее хозяина, тут же ногой сдвинул ключ к гнезду, и шлюз начал быстро открываться. Чернуха отбросила опустевший пулемет и нырнула вниз, я пинком скинул ей ключ, и прыгнул следом, шлепнув по кнопке запираания шлюза. Лишь после этого завизжали в воздухе злые рикошеты – это другие снайперы открыли огонь, сообразив, что люк открыт. Им с их точек нужный момент сложно было определить, и они отреагировали, только когда Чернуха скрылась из вида, а через миг и я.

Люк закрылся, мы не удержались, и рассмеялись. Нам обоим было понятно, что таким образом из нас выплескивается нервное напряжение прошедшего часа, но остановиться не могли. Так мы минуты три хохотали, лишь потом успокоились, когда унялся в крови шторм адреналина и эндорфина.

Мы были в безопасности. Не существовало в мире сил, способных проникнуть сквозь реликтовую броню, и это чувство полной, всепоглощающей безопасности, вызвало неконтролируемую эйфорию, какой я до этого ни разу не чувствовал.

– Выкрутились! – произнесла Чернуха почти спокойным голосом. – С пальбой вверх ты классно придумал.

– Что дальше?

– Надо выйти на связь с пиратами. Попросить открыть аппарель. Пойдем в рубку.

Мы открыли нижний люк и едва не вывалились в коридор. Такое вертикальное расположение шлюза показалось мне жутко неудобным.

– Дурь какая, – поделился я с Чернухой. – Еще и вода будет течь, всю ведь насосы точно не выкачают.

– Это объяснимо. «Толстозадый» не является батипланом в прямом смысле слова. На верфях «Хокудо» строили его как автоматический подводный аппарат, а потом переоборудовали. Но он же реликтом покрыт, его с наружи не поменяешь, и люк в другом месте не прорубишь.

– Это странно. Если спецы «Хокудо» построили конструкцию, значит, они умели разжигать реликт. Могли бы и люк сделать сбоку, когда переоборудовали.

– Я думаю, не спецы «Хокудо» его переоборудовали, – ответила Чернуха.

Это заставило меня еще больше призадуматься. Коридор был очень тесным даже для нас, а как тут взрослые мужики перемещались, вообще трудно было представить. Рубка тоже была крошечной, чуть больше кабины гравилета, в ней размещались два полноценных кресла с гидравлической подвеской, для пилотов, и еще сбоку у пульта имелось выдвижное креслице.

Чернуха уселась в кресло первого пилота и включила радиосвязь, а я притулился рядом, в кресле второго пилота. Честно говоря, после кабины нормального батиплана тут было вообще не ахти. Тесно и неудобно. Заметно было, что органы управления втискивались сюда, как кашалота в акулю задницу. По краям приборной панели видны были местами потеки пластика от работы резака. Да, переоборудовали батиплан явно не на верфях «Хокудо».

Чернуха настроила передатчик на волну наших гарнитур, так как там нас точно слушали, а я произнес в эфир по-английски:

– Здесь Долговязый, база «Керчь». Вызываю транспортник «Амбер».

– И чего ты хочешь? – раздался незнакомый голос по-русски.

– Ну, чтобы вы аппаратль открыли и выкатили нас к воде.

– Может еще кофе принести? У нас хороший, турецкий.

– Не сомневаюсь, но мы завтракали, – ответил я.

– Это вы правильно сделали, потому что в следующий раз пожрете не скоро. Заперлись?

Ну, молодцы. Вот и сидите там, как крысы в бочке.

– До подхода ракетных кораблей? – уточнил я.

– Ага, помечтай. Мы сейчас дадим полный ход, и к вечеру затеряемся в турецких бухтах, поглядим, как вы нас там найдете.

– У нас грвилет, – напомнил я.

– Да и хрен бы с ним. Даже если у него хватит водорода до Турции, там мы его быстренько срежем с наземных зенитных систем. Проголодаетесь, вылезете. А большего нам не надо.

На самом деле это было правдой. Я глянул на Чернуху.

– Ну, и что дальше?

– Ну, не хотят открывать, и не надо. Я же не о нашем удобстве заботилась, а об их безопасности.

– В смысле? – не сообразил я.

– В самом прямом, – ответила Чернуха, и начала щелкать тумблерами запуска систем подводного корабля.

– Ремень пристегни, – попросила она, защелкивая на животе инерционную пряжку.

До меня начало доходить, и я поспешил пристегнуться.

– Перегрузка на старте будет сильная, – предупредила Чернуха.

Я вжался затылком в подголовник кресла, а Чернуха без затей запустила маршевый реактивный двигатель на продувку и прогрев. Я представил, что при этом творится в грузовом отсеке «Амбера», как там летают трапы, лебедки, фрагменты лесов и прочая мелочь массой от килограмма до тонны, и не смог удержать злорадной улыбки.

Чернуха включила главный ходовой монитор, а затем носовые прожектора, дававшие свет не тусклее дугового. Увидел я то, собственно, что и ожидал – метель из самых разнообразных железных конструкций.

– Точно не хотите опустить аппаратль? – уточнил я. – У нас легко хватит мощности пройти напрямик через борт. Чисто из низменных побуждений. Ну, в смысле, обидно, как вы с нами обошлись.

Мне никто не ответил. Я подозревал, что уже некому. Скорее всего, со мной говорил кто-то из грузового отсека, а после включения маршевого двигателя даже на самую малую тягу это стало несколько затруднительно. Очень уж неудобно говорить по радиосвязи, когда тебя размазало по переборке ровным слоем.

– Мазохисты какие-то, а не пираты, – пробурчала Чернуха, и вывела ручку управления тягой на отметку восемьдесят процентов.

Ощущение возникло такое, словно мне совковой лопатой пониже спины прилетело, а затем на меня сразу боком упал грузовик. Крик застрял в горле, за секунду мы по рельсам пронеслись через весь отсек, ударили в поднятую аппаратль передней балкой транспортной тележки, сорвали конструкцию с навесов и вылетели наружу, в море, вместе с искореженной аппаратлью.

С разгону батиплан нырнул довольно глубоко, крепления тележки сорвало набегающим потоком воды и, уже когда Чернуха загнала «Толстозадого» в вираж, я заметил, как сильно деформированная тележка медленно уходит в темную пучину вод.

Чернуха сбросила тягу, и мы всплыли почти вертикально в клубах пара, пузырями поднявшегося из воды.

Впрочем, «Амбер» пострадал меньше, чем я ожидал. Да, аппарель вынесло с корнями, но грузовой отсек располагался выше ватерлинии, и вода туда не попадала. Внутри начался значительный пожар, но с ним должны были быстро справиться штатные системы автоматического тушения. Вскоре, в подтверждение моих слов, из отсека повалил густой белый дым, как обычно бывает от сбитого пламени.

На ходовом мониторе я увидел, как гравилет с красивым виражом прошел точно над нами. Я передал пилоту, что он может возвращаться на базу, и тот, сообщив, что принял приказ, сразу лег на северо-восточный курс.

– Ума не приложу, что с ними делать, – пожаловался я. – Хочется торпедировать, к дьяволу, но жалко хороший корабль.

– Давай, отгоним на базу, – предложила Чернуха. – Даже интересно, как справимся. Это же потруднее, чем на маршевом тупо рвануть до Керчи. На симуляторе мне уже скучно, хочется погонять серьезную машину.

– Думаю, без приказа Вершинского нельзя, – прикинул я. – Но сначала надо этим объяснить, кто тут главный.

Чернуха вышла на связь с радистом «Амбера» и начала ему объяснять, что шутки кончились, что машины без приказа запускать нельзя, в а случае хоть малейшего неповиновения транспортник будет торпедирован, а спасшийся экипаж, в нарушение всех морских конвенций, будем расстреливать из пулеметов.

Я знал, что никаких пулеметов на борту «Толстозадого» нет, и что Чернуха так прикалывается, но морячки, наверняка, восприняли ее угрозы с большей серьезностью. Сам же я выбрался из кресла и перебрался по тесному коридору в не менее тесный огневой пульт, где и было мое место по штатному расписанию. Оттуда я связался с Вершинским на назначенной им частоте, которую никто, кроме нас, не использовал уже лет пятьдесят.

Пришлось обрисовать ситуацию с «Амбером», но у Вершинского это не вызвало ни восторга, ни удивления.

– Молодцы, – коротко похвалил он. – Но никакой корабль ни на какую базу вы не поведете. Вам вообще о возвращении в Керчь придется забыть.

Это было неожиданно, но я на Ксюшиной крови поклялся Вершинскому, что если он поможет, я буду подчиняться ему более беспрекословно, чем хорошо дрессированная собака. Так что я даже уточнять ничего не стал, знал, что все необходимое Вершинский сам скажет, а ничего другого из него клещами не вытянешь.

Пришлось по внутренней связи вызвать Чернуху, сказать ей, чтобы перестала пугать пиратов, и слушала указания в эфире.

Сами же указания ввергли меня в небольшой ступор.

– Сразу после нашего разговора вам надлежит уйти в глубину, и, не достигая сероводородного слоя, идти над ним в Севастопольскую бухту. В случае нападения биотехов отбиваться всеми силами и средствами, но в сероводородный слой не опускаться ни при каких обстоятельствах. Помните, реактивные двигатели у «Шпики» прямоточные, каталитические, то есть водород для своей работы они добывают из забортной воды, и попадание сероводорода на катализаторы приведет к их загрязнению и выходу из строя. Вы потеряете реактивный ход и сможете двигаться только на маневровых электрических турбинах, питаемых непосредственно от силовой установки. Электричество не экономьте, батиплан питается от особого генератора на реликте. Помните, я говорил, что приложенная к реликту энергия, по мнению Альбиноса, уходит в квантовый мир? Так вот, некогда инженеры создали штуку, реликтор, которая переводит реликт в другой режим, и он начинает извлекать безграничную энергию из квантового мира и преобразовывать ее в обычное электричество колоссальной мощности. В квантовом мире плотность энергии чудовищная, так что условно можно считать этот источник неиссякаемым. Ясно?

– Так точно! – хором ответили мы с Чернухой.

– Это важный момент, так как имеющиеся на борту ультразвуковые орудия тоже питаются от реликтора, и им не нужны никакие боеприпасы, кроме электричества. На симуляторах Долговязый и Чайка с ультразвуком работали, так что сюрпризов не будет. Помните, ракет на борту ограниченное количество, гарпунов тоже, а электричества намного больше, чем батиплан сможет использовать за миллион лет. Поэтому эффектные ракетные и гарпунные стрельбы применять только и только в том случае, если ультразвуковым пушкам не хватит огня. Ясно?

– Так точно! – ответил я.

– Чернуха заведет батиплан в Севастопольскую бухту, и вы ошвартуете его в пирсовой зоне, у самого устья реки, куда биотехи не сунутся из-за недостаточной солености воды. Покидать батиплан разрешаю, так как он тесный, и жить там особо негде. Можете ночевать в вашем старом лагере на карьере, он сейчас пустует. Только не нарвитесь на сухопутных тварей, а то расслабились за год. Еду добывать охотой, рыбалкой, и продержаться вам надо трое суток. Через трое суток прибудет остальная команда, Чайка, Чучундра, Бодрый.

Мне очень хотелось узнать, почему именно через трое суток, но задавать Вершинскому такие вопросы сильно глупее, чем гарпуном ковыряться в носу. Так что я сдержался.

– Теперь самое наиглавнейшее. Специально говорю это в самом конце, чтобы врезалось в память. Батиплан имеет реликтовую броню, но он уязвим. Да, его обшивка непробиваема, но он состоит не только из обшивки. Линзы камер всех мониторов, включая ходовые, хоть и прочные, но близкого взрыва тяжелой торпеды или мины не выдержат. То же касается всех датчиков, сонаров, радаров и прочего. Сквозь реликт не проходят никакие излучения, поэтому все без исключения датчики снаружи. Это во-первых. Во вторых, кабели от всех датчиков проведены через технологические отверстия в слое реликта, то есть, слой не сплошной, близким взрывом может выбить стальные заглушки, и тогда вода под огромным давлением хлынет внутрь. Если глубоко, струя воды может сталь разрезать. И в-третьих, турбины. При всем желании невозможно было сделать маневровые турбины целиком из реликта, поэтому гидравлическая волна от близкого взрыва, попав в заборники водометов, вынесет крыльчатки к дьяволу, и у вас останутся только маршевые двигатели, а на них к берегу не причалишь. Есть вопросы?

– Да, – произнес я в микрофон гарнитуры. – Какой же тогда смысл в реликтовой броне, если батиплан настолько уязвим, что близко подпускать торпеды к обшивке все равно нельзя?

– Молодец, вопрос правильный. Перед инженерами «Хокудо» не стояло задачи сделать батиплан неуязвимым, так как это технологически невозможно. Но реликтовая броня нивелирует последствия ваших не очень грубых ошибок. Другими словами, там где обычный батиплан сплющит в блин, вы по крайней мере, выживите. Камеры могут ослепнуть, вы можете потерять ход, батиплан может быть частично затоплен, если вышибет стальные заглушки технологических отверстий, но вы останетесь живы и, теоретически, сможете дожидаться спасательную команду. Но доводить до этого вам не разрешается ни при каких обстоятельствах. Ни при каких, вы меня поняли?

– Так точно! – ответил я.

– Этих батипланов «Хокудо» мало, всего четыре. Один уже без брони, у другого вышибло крыльчатки маневровых турбин. Оба раза из-за моих ошибок. Поэтому я делюсь с вами опытом, чего нельзя допускать. Вообще не думайте о неуязвимости «Шпика», считайте, что ее нет. Я хотел ее использовать и едва не погиб. Это фикция. Она вам поможет сдерживать натиск в океане, когда будет трудно, силовая установка поможет, прямоточные моторы, ультразвуковая пушка, в которой никогда не закончатся боеприпасы. Но на броню не надейтесь. Она защищает намного лучше обычной, но неуязвимостью не обладает. Не подпускайте тварей близко.

– Ясно!

– Ну, тогда в путь. Назад дороги нет, только вперед. Конец связи.

Глава 4. «Карусель»

«Толстозадый» мягко ушел в глубину на маневровых турбинах. То ли Чернуха так насобачилась в вождении на симуляторе, то ли батиплан был непривередлив в управлении, но движения почти не ощущалось. Удивительно, как машина столь уродливой формы могла так хорошо выполнять свои функции.

Я активировал системы огневого пульта, с ними удалось великолепно ознакомиться на секретном симуляторе Вершинского, который он организовал в отдельном ангаре для нашей команды. Если бы кто-то на таком симуляторе погонял виртуальный батиплан со всеми его огневыми средствами, он бы озадачился вопросом существует ли такая техника в реальности, а если существует, то почему ее не клепают на заводах сотнями. С сотней таких батипланов, действительно, можно было бы за пару лет очистить от биотехов все океаны.

Я снова задумался о парадоксах истории. Ну, ладно, Вершинский, он по понятным причинам не применяет эти батипланы, да и вообще старается не использовать реликт. Но что мешало сделать это другим людям? Само наличие батипланов с реликтовой броней и силовой установкой обратного цикла говорит, что реликта когда-то было много, куда больше, чем одна расческа. Почему же их тогда не наклепали сотнями и не вычистили океан?

Ответа напрашивалось два. Первый, что реликта стало мало еще до начала войны. Второй, что я чего-то о реликте не знаю, и что он несоизмеримо опаснее. Но опаснее чего? Неужели он опаснее биотехов? Впрочем, биотехов хотя бы можно убить, пусть и не без труда. Человека же с реликтом в крови убить невозможно, пока у него период не кончится. Так что вполне возможно, когда люди поняли, что к чему, они сознательно избавились от реликта.

«Не это ли стало причиной войны?» – подумал я, ощущая, как холодеет спина.

Может потому на уроках истории ничего толком не говорят ни о причинах войны, ни о ее ключевых участниках, что война была, по сути, гражданской? Возможно ли, что велась она между теми, кто хотел избавиться от реликта и теми, кто хотел его использовать?

Картинка нарисовалась страшенькая. Я представил накачанных реликтом воинов, почему-то не с пулеметами, а с мечами в руках. Они двигались стройными рядами через руины города, по ним со всех сторон долбили из крупнокалиберных пулеметов трассирующими пулями, которые светящимися стежками прошивали сумеречный дымный воздух. Но пули от них, ясное дело, отскакивали, как от Ксюши, а воины продолжали двигаться чуть приподняв жутковатые мечи, похожие не на мечи, скорее, а на сорванные с древних вертолетов лопасти. Мечи, конечно, тоже были покрыты реликтом. Именно покрыты, не целиком из него, так как если бы их целиком отлить, как расческу, то ими не помашешь, инерция будет чудовищная. Даже с учетом невероятной силы, какую обретает человек с реликтом в крови.

Бойцы с мечами вышли на площадь и перестроились широкой шеренгой, а с противоположной стороны на них выскочили биотехи. Сотни панцирных партульников. Они налетели на бойцов, как прибой на волнолом, в воздух полетели отрубленные конечности, полыхнуло несколькими мощными взрывами. Ударная волна прокатилась по ближайшим кварталам, надламывая стены домов, и они начали рушиться, оставляя в воздухе клубы пыли, пока все не погрузилось во мрак.

– Эй, Долговязый! – раздался голос Чернухи у меня в наушниках. – Ты там уснул, что ли?

Я с усилием вынырнул из кошмарного сна, помотал головой и ответил.

– Я на связи!

– На какой, к дьяволу, связи? Ты ослеп, или мониторы забыл включить? Ты будешь стрелять, или мне торпеды измором брать?

Я глянул на главный монитор стрелкового комплекса и чутка обалдел. В полярной сетке было хорошо видно, как в километре от нас, с обоих бортов, заходят в атаку четыре патрульные

стаи, состоящие, как это обычно бывает, из жилистых скоростных «Стрелок» с перекачанной мускулатурой. Их изумрудные искорки с маркерами типа и массы пытались прорваться к центру экрана, в котором находился наш подводный корабль.

«Это сколько же я проспал? – подумал я. – И что за дикий бред мне снился?»

Но пока мне было не до расшифровки подсознательного символизма.

– У меня все под контролем, – соврал я. – Жду их на дистанцию удара ультразвуком. Не тратить же ракеты на них.

– Да они уже секунд тридцать на дистанции поражения, – не скрывая иронии, ответила Чернуха. – Если не хочешь стрелять, я могу врубить маршевый и успеем проскочить.

– Нельзя, – подумав, произнес я. – Как далеко мы оставили за кормой пиратов?

– Значит, все таки спал, раз не знаешь. На пять миль мы ушли от них, соня.

«Проспал я, значит, минут пятнадцать, если шли мы со скоростью сорок узлов», – произвел я в уме необходимые вычисления.

– Буду стрелять, – произнес я вслух. – Не убьем тварей, они затопят «Амбер».

– Да и дьявол бы с ним. Уроды. Чуть не раздели меня глазами.

– Соври еще, что то тебе не понравилось, – хихикнул я. – Ты же любишь, когда на тебя смотрят.

– Ну... Все равно. Не для них мои красоты. Чисто из принципа. Я люблю, когда на меня смотрят хорошие мальчики.

Я улыбнулся, активировал ультразвуковую пушку, заложил ручку прицеливания и выжал спусковую педаль. Монитор тут же расчертило полосой изумрудной ряби, пронзившей пучину от нас до первой стаи торпед. Орудие било широким мощным лучом, рвавшим жабры любым биотехам, причем, они даже не понимали, что происходит, пока не начинали задыхаться. Иногда они взрывались в конвульсиях, иногда просто всплывали брюхом вверх, и становились трофеями рыбаков, если попадались к ним в сети или туши выбрасывало на берег до того, как успевали как следует разложиться. Фрагменты тел биотехов стояли значительно больше, чем рыба, так что дохлые твари после атак охотников оказывались желанной добычей для новых прибрежных жителей.

Но в этот раз им не повезло – одна из торпед рванула, вызвав цепь вторичных детонаций, из-за чего монитор локатора весь пошел зелеными концентрическими кругами ударных волн. Первая стая была уничтожена полностью, а три других могли представлять для нас опасность лишь если мы продолжим путь на маневровых турбинах. Если же Чернуха перейдет на маршевую тягу, им нас в жизни не догнать. Можно было так и сделать, но мне жалко было «Амбер». Я знал, что рано или поздно пираты, не имевшие должного представления об охотниках, рано или поздно на них нарвутся, будут перебиты или пленены, а прекрасный транспортник перегонят на базу и он еще послужит добрым делом. Самих пиратов, тут Чернуха была права, мне жалко не было. Но вот корабль – дело другое.

Кораблей в мире было не много, строить их еще не начали, большинство довоенных испортили биотехи, а те, что были сейчас на ходу, все или из защищенных портов, типа Севастопольской бухты, куда реки впадали, либо из Азовского моря, где биотехи не могли жить из-за недостаточной солености, либо из сухих доков и шлюзов, куда твари не смогли добраться. Кроме того, для каботажных рейсов по морю годились и некоторые речные суда, которых сохранилось довольно много. Но если их топить каждый день, надолго не хватит.

– Заходи на вираж, – попросил я Чернуху. – Надо их перебить.

– Не наохотился за год? – поддела меня она.

– Не в этом дело, – ответил я.

После чего изложил ей свою концепцию о неизбежности скорого перехода большинства кораблей из рук пиратов в руки охотников, или хотя бы в руки морской полиции, которая все равно рано или поздно организуется. Крыть ей было нечем, и она завела «Толстозадаго»

в крутой вираж с глубоким левым креном. Я пристегнулся, на всякий случай, поскольку Чернуха была большой любительницей высшего пилотажа, и могла без затей заложить «бочку» или «мертвую петлю», а у меня не было ни малейшего желания рассчитывать только на центробежную силу, возникающую при таких маневрах и способную удержать меня в кресле. Ремни, когда речь идет о противодействии гравитации, они как-то надежнее, на мой взгляд.

– Если зайдешь лобовым курсом, буду признателен, – произнес я в микрофон.

– Это за каким дьяволом? Леню орудие повернуть?

– Нет, хочу, чтобы они болтались по разным бортам. Пусть все окажется в зоне поражения одновременно.

– Это ты классно придумал, а уходить от оставшихся как?

– Ой, хватит кокетничать! – Я рассмеялся. – Знаю же, как тебе хочется провести парочку фигур высшего пилотажа.

– О, сударь, вы решили сделать даме приятно? Поставлю в планшете галочку напротив вашего имени. Будете отмечены, сударь. Но просьба не обижаться, если на какое-то время у вас голова с задницей поменяется местами.

– Я уже пристегнулся, не надо ссать в компот, там кок обычно ноги моет.

Чернуха прыснула смехом, все-таки провернула «бочку» и зашла на биотехов прямым атакующим курсом. Я видел на радаре пятнадцать точек, по пять в каждой стае, но теперь они все оказались широким фронтом прямо по курсу. Я надеялся шарахнуть в середину эшелона ультразвуком, в надежде вызвать вторичные детонации, но твари оказались тоже не промах.

Вообще, это все заметили, и мы произошедшие изменения пару раз обсуждали с Вершинским, что чем меньше оставалось в море тварей, тем хитрее они становились, и тем труднее их было убивать. Кто-то из древних стратегов сказал, типа, больше травы, легче косить, и можно было бы назвать это чушью, если бы я сам не наблюдал нечто подобное. Когда торпеды без разбора, без тактики, без стратегии, перли нахрапом, беря числом, их можно было полями выкашивать с помощью реактивных бомбовых установок. И это внушало большие надежды. До какого-то момента.

Затем в искусственных мозгах, выращенных на китайских или американских заводах, начали просыпаться совсем другие алгоритмы, и поведение биотехов кардинально изменилось. Чем меньше оставалось донных платформ, которые корректировали поведение мелких тварей, тем большую сообразительность, хитрость и коварство, стали проявлять сами мелкие твари. Иногда настолько эти качества проявлялись, что только держись.

В общем, они как бы поняли, чем я в них стреляю, и что у меня широкий луч поражения, и что в конвульсиях кто-то из них может взорваться, убив сородичей.

Раньше, помнится, они просто в стороны шарахались, не меняя эшелона, и это было очень удобно, так как позволяло активно маневрировать на батиплане, проходить выше или ниже торпед на относительно безопасной дистанции. Такая их тактика хорошо работала против надводных кораблей, потому что генетики, создававшие их мозги, о батипланах, похоже, никакого представления не имели. Скорее всего, эта разработка «Хокудо» была совершенно секретной, и применялась корпорацией исключительно для личных нужд. Но когда мы стали зачищать море на батипланах, под прикрытием надводных кораблей с реактивными глубинными бомбами, для биотехов многое изменилось, и они начали брать наши возможности в расчет. В частности, изменилась их тактика рассредоточения, они стали не только в стороны шарахаться, но и занимать эшелоны на разных глубинах. При этом дистанция между ними была внушительной, почти наверняка исключала вторичные детонации, но, главное, очень сильно ограничивала возможности ультразвуковой пушки.

Дело в том, что нет оружия без недостатков. Ультразвуковая пушка была всем хороша, главное, она не имела ограничения по боеприпасам, но все же и у нее была одна проблема. Причем, серьезная. Дело в том, что для формирования мощного ультразвукового импульса

требовалась колоссальная плотность тока, обеспечить которую могли только и только ионные конденсаторы, заряжаемые от силовой установки. Реликтор мог выдать огромную мощность, но само устройство ионных конденсаторов и системы их коммутации не позволяло набить ионами всю их емкость быстрее, чем за пять секунд. Когда торпеды держатся густо, стаями, это большого значения не имеет, пушка их выкашивает по пятьдесят особей за выстрел, и плотности огня хватает. Но вот если торпеды рассредоточатся, если одним выстрелом получится убить только одну, тогда ситуация меняется кардинально. Не в лучшую для нас сторону.

В общем, торпеды рассредоточились, мы мчались на них, они на нас, Вершинский запретил расходовать боеприпасы, у меня в арсенале оставался только ультразвук, а им не пальнешь чаще, чем с паузой в пять секунд. И я понял, что погорячился насчет встречного курса.

– Чернуха! – выкрикнул я.

Вообще-то я собирался выкрикнуть еще слово «сворачивай», но не успел, потому что меня так присандалило перегрузкой, что у меня чуть позвоночник в штаны не осыпался. Впрочем, это означало, что Чернуха чего-то подобного ожидала, и сразу произвела маневр. Оставалось надеяться, что это поможет.

Конечно, если бы она дала полную тягу на маневровых турбинах, эффект был бы несравнимо слабее, а так было очевидно, что стартовала она на маршевом, да еще с довольно малым радиусом, метров в пятьсот, судя по данным огневых стабилизационных систем, да и по вестибулярным ощущениям тоже.

Через пару секунд наступила невесомость. Ощущение незабываемое, словно ты во сне сорвался с детских качелей, и полетел, полетел, непонятно куда. Это говорило о том, что батиплан, всей своей тушей пробил водную гладь, вылетел в воздух, а теперь падает обратно в воду, подобно разыгравшемуся дельфину. Я бы с удовольствием посмотрел на это через камеры ходовых мониторов, но переключать свой дисплей на другой источник сигнала не стал, ситуация не особо располагала к красотам.

Снова шарахнуло так, что если бы не ремни, я бы вылетел из кресла, как сопля из рогатки, но это как раз нормально – батиплан носом врубился обратно в воду. Почерневший было монитор сонара снова ожил, показав сначала изумрудную рябь, а затем метки биотехов. Сначала они мерцали прямо по курсу, но вскоре Чернуха, уже на маневровых турбинах, вышла из крутого пике в пологое и спросила:

– Драться-то будем, или как?

– Как бы нечем, – честно признался я. – Ультразвуковая пушка не годится для стрельбы по отдельным целям. Что-то другое использовать Хай запретил.

– Это я слышала. И что делать? Уйдем и оставим тварей?

– Мы же охотники, – ответил я. – Пятнадцать торпед, дьявол их заберет, они точно кого-то потопят. Отойди на пару километров, чтобы мой радар их видел, обходи цели по кругу и дай мне подумать.

– Принято. Только не тяни, а то на грохот маршевого могут еще твари подтянуться, и, неровен час, зажмут.

Была бы другая ситуация, я бы без затей вызвал с базы парочку гравилетов с глубинными бомбами, и с двухкилометровой дистанции откорректировал бы серию сбросов так, чтобы ни одной торпеды из пятнадцати не осталось. Ничего бы этому не помешало, поскольку ракетные платформы в этом море мы уничтожили все. Не просто уничтожили, а проутюжили батипланами мелководья до глубин сероводородного слоя, а в сероводороде твари жить не могли. Но у нас была секретная миссия, и на помощь охотников мы рассчитывать не могли. Выйти из боя мы тоже уже не могли. Потому что мы охотники, а не рыбаки. Какой смысл быть охотником, если драпать от тварей, оставив им возможность напасть на любое судно? Ладно если пиратское, хотя тоже жалко, но торпедам без разницы, они и на рыбаков нападут.

– Будем использовать неограниченный ресурс хода, неограниченный боезапас ультразвуковой пушки и преимущество в скорости, – передал я Чернухе.

– То есть, все же измором брать, – подвела она итог, не скрывая иронии.

– Бе-бе-бе, – ответил я.

Очень хотелось ответить на ее шутку по поводу галочки напротив моего имени в ее списке, но из моих уст в ее адрес это бы прозвучало очень уж не весело для нее. Из-за Ксюши. Так что я решил придержать язык, и вместо этого произнес в микрофон:

– Давай так. Ты идешь на группу торпед встречным курсом до дистанции в километр. Торпеды за это время пугаются, рассредоточиваются в стороны и по эшелонам, а ты меняешь курс и начинаешь обходить всю группу с левой циркуляцией. С километра я их отстреливаю с паузами в пять секунд. Если они попробуют сократить дистанцию и атаковать, я даю команду «уходим», ты делаешь «мертвую петлю», включаешь маршевый, и мы разрываем дистанцию снова до двух километров. Если они начинают драпать, ты на маневровых стараешься сохранить дистанцию, пригодную мне для стрельбы.

– Километр, – уточнила Чернуха.

– Да, плюс минус. Помни, что говорил Хай. Ближе к биотехам не подходим. Батиплан намного крепче других, но у него тоже есть слабые места.

– Значит, километр.

– Оправдано, – подтвердил я. – Для гарантии. Поехали, а то они разбегутся, как тараканы.

И мы ринулись в бой. На самом деле торпеды, решив, что мы от них драпанули, начали снова сбиваться в кучу, но мне это не особо помогло – двух удалось накрыть одним выстрелом, но обошлось без вторичной детонации, и пришлось начать задуманную нами смертельную карусель. Чернуха вела «Толстозадого» по многокилометровой орбитали в форме овала, в центре которой находилось ядро из более чем десятка «Стрелок». Мне пришлось в голову, что это напоминает положительно заряженный ион, с кучей протонов и нейтронов в ядре, но всего с одним электроном в виде нашего подводного корабля. Я представил, как это смотрится со стороны, за нами ведь оставался длинный след из пузырьков кавитации на лопатках турбин, тогда как биотехи сливались с окружающей средой, и их глазами не всегда различишь перед самым носом.

Я вспомнил, как Вершинский рассказывал о Борисе, который помнил самые первые нападения биотехов. Война, вроде бы, уже шла, и Борис был военным моряком, как я понял, или морским десантником. Дыхательного грибка у них точно еще не было, его же кто-то из команды Вершинского вывел путем генетической модификации обычных дрожжей, так что в глубину древние морские десантники уходили, наверное, только с кислородными картриджами, а то и со сжатым воздухом в специальных баллонах. Тут вдруг, раз, биотехи. Вообще-то, насколько я понял, применение биотехов было ожидаемым, потому что все локаторы, какие есть сейчас у охотников, собраны на чипах, клонированных с локатора, оставшегося у Бориса с войны. Вершинский говорил, что именно наличие локатора спасло тогда Бориса и его соратников.

Интересно, что было потом?

Пока заряжались ионные конденсаторы, я представил, как после тяжелого боя с тварями группа десантников в черных гидрокостюмах выползает на песчаный берег. Кстати, чем они победили тварей? Первый гарпунный карабин системы «Елдомет-1» сконструировал, вроде бы, Док из первой команды Вершинского, когда только начиналась Большая Охота. Чем же можно было отстреливаться от торпед до этого? Ну, наверное, подводными ракетометами. Других вариантов мне в голову не пришло.

Изумрудная бусинка индикатора показала завершение зарядки ионных «банок», я сдвинул ручку управления, поймал в прицел очередную торпеду и прижал ногой спусковую педаль. На этот раз торпеда детонировала, но ее сородичи находились слишком далеко, чтобы это могло им повредить.

После уничтожения четвертой торпеды твари поняли, что я их через пару минут так всех перебью. В подобных случаях у них первый рефлекс – пойти в атаку. Они рассредоточились полукольцом и ринулись на нас. Это было вполне логично, ведь если бы у нас был не батиплан с реактивными прямоточниками, способный разогнаться до ста семидесяти узлов в создаваемом из пара тоннеле, а обычная субмарина или корабль, годный дать максимум тридцать узлов, они бы нас точно достали. Сами-то они до сорока, а то и до шестидесяти, узлов разгонялись, как нечего делать.

– Уходим! – выкрикнул я в микрофон.

К моему удивлению вышла заминка. Вместо того, чтобы врубить маршевый и свечой взмыть вверх, сделать мертвую петлю и сменить курс на обратный, Чернуха не сделала ничего. Всего пару секунд длилась пауза, но за это время я понял, и что стало причиной заминки, и что твари нас перехитрили, и что вызывать Чернуху по связи бессмысленно, это только помешает принять ей решение.

В общем, когда мы решили с Чернухой, что к тварям можно подходить на километр, мы ошиблись. Мы оба исходили из того, что на маневровых двигателях, делая сорок узлов, мы преодолеем километр аж за две минуты. Две минуты – это бездна времени, любой маневр можно провернуть, и дьявол знает сколько раз можно успеть выстрелить и перезарядить ионные «банки». «Стрелка» на встречном атакующем курсе тоже делает сорок, а то и все шестьдесят узлов, что снижает отпущенное нам время вдвое, с двух минут, до минуты. При этом торпеда движется к нам, а мы к ней, значит, через минуту, преодолев половину километра, мы окажемся с ней нос к носу, так как она тоже за это время преодолеет полкилометра. Этого допускать было нельзя. Безопасное расстояние, это метров триста, лучше пятьсот, значит, мы на таком расстоянии от торпеды окажемся через тридцать секунд.

Нормальный расчет, тридцать секунд в бою – это тоже бездна времени. Но мы не учли, что проводить любой маневр на турбинах совершенно бессмысленно, потому что мы делаем сорок узлов, а торпеды на пределе сил шестьдесят. Если мы опишем «мертвую петлю» даже за двадцать секунд из тридцати отпущенных, и начнем удирать, твари нас догонят с кормы, взорвутся в непосредственной близости, выведут из строя все наши датчики, сонары, локаторы, камеры, а заодно вынесут крыльчатки маневровых турбин. Сами-то выживем, реликтовую броню не пробить, но мы окажемся под этой броней запечатаны, как тушеные кабачки в консервной банке. Ибо идти на реактивной тяге вслепую – это уж совсем для дурачков развлечение.

Я представил, какого размера фитиль нам вставит Вершинский за это, если нас вообще удастся найти на дне под сероводородным слоем, и мне стало нехорошо.

Выходило, что уйти от торпед Чернуха могла лишь в одном случае – врубив маршевую тягу. Но маршевому мотору нужна продувка, хотя бы две-три секунды, значит, включать его надо еще на встречном курсе, затем ударит дюза, и мы станем даже на самой малой тяге делать не сорок узлов, а все восемьдесят. Значит, у нас не тридцать секунд, как мы рассчитывали, а только пятнадцать в лучшем случае, скорее десять.

Чтобы за десять секунд преодолеть половину петли, радиусом двести метров и длиной окружности тысячу двести метров, нам нужна скорость в шестьдесят метров в секунду, то есть двести с чем-то километров в час, то есть, сто тридцать четыре узла. При этом Вершинский разгонял этот батиплан до ста семидесяти узлов, но по прямой, не в петле! В петле же радиусом в двести метров, а большего мы себе позволить не могли, на такой скорости перегрузка составит...

Досчитать в уме я не успел, хотя Вершинский гонял нас по этой математике в хвост и в гриву, так, что я уже реально умел логарифмическую линейку воображать, в уме двигать шкалы и считать на этой воображаемой линейке с огромной скоростью. В общем, в тот момент, когда Чернуха врубила дюзы, произведя, я думаю, те же расчеты, я успел прикинуть, что при

такой скорости и радиусе поворота перегрузка составит около шести джи, так что космонавты могли бы обгадиться от зависти. А у нас тут не космос ни фи́га, дьявол бы его забрал.

В общем, мы сами себе не хило дали прочихаться. Мало того, что при моих семидесяти килограммах на перегрузке в шесть джи тело начинает весить триста пятьдесят килограммов, что так себе удовольствие, но еще вся кровь натурально отливает от башки в задницу, от чего с мозгами приключается шок, и они начинают себя чувствовать хуже, чем при ударе пыльным мешком с картошкой по маковке. Когда перегрузка линейная, например, при жестком старте на маршевом, оно все не так плохо, там и десять джи в течение секунды терпимо. Просто возникает кратковременное ощущение, будто ты камбала, и тебя имеет перевозбужденный кит, обожравшийся жирных креветок в качестве эффективного афродизиака. Но когда перегрузка центробежная, и ты оказался в кресле задницей к внешней стороне круга, это уж так будь здоров, что не кашляй. И все это терпеть не секунду, не две, как при старте, а, исходя из моих расчетов, полных десять секунд.

Честно говоря, в этот момент я не слабо упрекнул себя в бережливости по поводу «Амбера», и подумал, что лучше мне было склониться к правоте Чернухи, что надо было забить на пиратов и их транспортник, выполнять задание Вершинского и не ввязываться в эту тупую и бесполезную драку с торпедами. Так же я понял, что двигал мною исключительно повышенный уровень тестостерона, побудивший выделяться перед Чернухой, и что источник этого тестостерона самому себе надо уметь защемить в нужный момент, чтобы вот этого всего не случилось.

Примерно на четвертой секунде нашего головокружительного маневра мне стало что-то совсем худо, и я решил было потерять сознание, но подумал, что Чернуха в кресле пилота ощущает то же самое, но ей, в отличие от меня, сознание терять ну никак нельзя. А на шестой секунде я все-таки сознание потерял. Зато почти сразу очнулся, причем, от того, что кровь, отхлынувшая было к ногам, с огромной силой пошла обратно в голову. Это могло произойти только если Чернуха, умница, сделала «полубочку», сменив вектор ускорения в дуге на обратный. Глаза у меня едва не вылезли из орбит, но все же у меня хватило сил глянуть на монитор радара.

Хуже того, что я там увидел, трудно было придумать. Торпеды не просто ринулись нам навстречу, пять из них веером мчались полого вверх, стараясь отрезать нам путь к поверхности воды. Они запомнили наш предыдущий прыжок, и теперь рвали жилы, чтобы не допустить второго. В результате Чернухе ничего не оставалось, кроме как круче забирать на себя ручку управления, сужая радиус петли и увеличивая без того немилосердную перегрузку.

Но торпеды подоברались к нам слишком близко. Одна рванула, и если бы у нас был обычный батиплан, этого бы хватило, но покрытая реликтом броня выдержала, Чернуха прошла верхнюю часть петли и, не имея возможности вырваться ближе к поверхности, начала, наоборот, увеличивать глубину.

На самом деле внизу места для маневра тоже было немного, так как глубже ста метров уже можно было нарваться на сероводородный слой, который был критически противопоказан катализатором нашего прямоточного двигателя. Поэтому Чернуха вывела батиплан из крутого пике и начала разгонять его по прямой в широком вираже радиусом около трех километров. Перегрузка пропала, я с удовольствием выдохнул и начал анализировать происходящее на мониторе.

Торпеды гнаться за нами не стали, слишком сообразительные, но и деваться им было некуда. И тут меня осенила совершенно гениальная идея, как с ними разделаться без шума и пыли.

– Гаси прямоточник! – передал я Чернухе. – На кой дьявол нам гоняться за тварями, если я могу выйти за борт и перебить их из гарпунного карабина?

Чернуха спорить не стала, вывела батиплан из реактивного режима и перешла на маневровые. Торпеды тут же отреагировали, начали менять курс на атакующий, но нас разделяло больше трех километров, им не преодолеть это расстояние быстрее, чем за пять минут.

– Опускайся почти до сероводорода, – попросил я. – Курс перпендикулярный целям, не дай им быстро сорвать дистанцию.

– Ясно!

Дело в том, что наш батиплан не мог нырнуть в сероводородный слой, но и тварям там сразу пришел бы конец. Это я собирался использовать по полной программе, спрятаться там и не дать тварям возможности меня атаковать.

Первым делом я рванул в рубку и показал Чернухе, как пользоваться альтернативным командирским огневым пультом. Он был не очень удобным, дублировал не все функции, но этого и не надо. Главное, с него можно было управлять ультразвуковой пушкой. Когда я выйду, Чернухе не надо будет особо маневрировать, так что она вполне сможет пострелять в свое удовольствие.

Убедившись, что Чернуха полностью разобралась с управлением, я рванул по коридору в кормовую часть, где располагался арсенал. Там я впрыснул себе из иньектора дозу дыхательного грибка, и пока мой организм, как водится, тяжело переживал подавление дыхательного рефлекса, а сердце заходило в ишемических спазмах, натянул на себя гидрокостюм, закрепил боевой каркас и, борясь с черными мушками перед глазами, вооружился тяжелым карабином и дополнительным боекомплект. Общим числом сорок гарпунов – не килька хвостом по воде ударила.

К сожалению, говорить в этом типе гидрокостюма немисливо – шлем герметичный, и когда давление в нем уравнивается с давлением в легких, все, хрен ты чего скажешь. Ну и подавленный дыхательный рефлекс – тоже фактор. Сколько раз принимал дыхательный грибок, питающийся глюкозой и вырабатывающий кислород прямо в крови, но привыкнуть к этому не смог. Каждый раз словно заново умираешь, превращаешься в зомби, затем оживаешь. Ощущения, возможно, на любителя, но любителей таких я не встречал. Даже Вершинского корежило после иньекции хотя он-то уж такой на себя вид напускал, что прямо аж не могу. Но без грибка никак. Любые другие способы дыхания, кроме генерации чистого кислорода прямо в крови, привели бы к кессонной болезни в наших боевых режимах смены глубин. В общем субволновая, связь между таким гидрокостюмом и батипланом была организована по другому принципу. Чернуху я слышал, а она меня нет, поэтому, если мне что-то надо было сказать, я это показывал жестами Языка Охотников, а перчатки гидрокостюма переводили это в текст, который Чернуха видела у себя на мониторе.

Шлюзом можно было управлять с пульта в коридоре, и Чернуха тоже имела возможность его открывать, как захочет, поэтому, чтобы не возиться с кнопками, я на бегу ей передал: «Выпускай». Когда оказался под люком, он уже было открыт, осталось взяться за скобу, подтянуться, и забраться внутрь. Диафрагма у моих ног тут же сомкнулась, и колодец шлюза начал быстро заполняться забортной водой. Я активировал все навигационные и радарные системы костюма, после чего информация, в графическом и цифровом виде, проявилась в виде световой проекции на забрале шлема.

Первое – показание хронометра. Я управился за три минуты, это неплохо. Значит, если торпеды продолжали мчаться на меня кратчайшим путем, нас на настоящий момент разделяет почти полтора километра. Это как нельзя лучше соответствовало моим планам.

Верхняя диафрагма люка расплзлась лепестками в стороны, открыв мне выход наружу. Едва покинув шлюз, я врубил водометы с химическим приводом, вошел в крутое пике и погрузился метров на тридцать ниже сероводородного слоя.

«Средним ходом назад! – передал я Чернухе. – Скоро сможешь стрелять. На дистанции километр пушка поражает торпеды наглухо».

Ультразвук нашей мощности уверенно бьет на километр, а торпеды преодолевают пятьсот метров за минуту. Это значит, что пока они отмахают пятьсот метров до границы безопасной для нас дистанции, Чернуха могла успеть сделать двенадцать выстрелов и убить двенадцать торпед из пятнадцати, с учетом пятисекундной перезарядки. Мне бы тогда осталось справиться всего с тремя тварями. Но это в идеале, конечно. На практике еще две, а то и три секунды нужно на выбор цели и наведение пушки. Чернуха стрелять не привыкла, значит, у нее на прицеливание уйдут все пять секунд, в среднем. Это задает темп не по одному выстрелу в пять секунд, а по одному выстрелу в десять секунд, что давало шанс выжить не трем торпедам а семи, что уже не очень весело.

Вскоре проекцию на акриловом щитке моего шлема расчертило рябью первого ультразвукового выстрела. Торпеда детонировала, но для нас толку в этом не было ни малейшего, так как твари уверенно держали безопасный для себя боковой интервал и рассредоточились по нескольким глубинным эшелонам. Мой же карабин имел несравнимо большую дальность боя, и мог поражать цели на дистанциях до трех километров, если использовать наведение по радару. К тому же гарпуны были управляемыми, я мог в широких пределах менять их траекторию, если твари пытались с нее уйти. Ну и скорострельность была – выстрел в секунду. Я тут же поймал ближнюю к батиплану торпеду в прицел и выпустил гарпун. Карабин его вытолкнул метра на три сначала, затем сработал химический реактивный двигатель, и мой снаряд устремился к цели. Я включил захват по радарной метке, чтобы гарпун в любом случае поразил цель, сколько бы она ни маневрировала. Затем перезарядился и пальнул снова. Ждать было нечего, и я принялся выпускать гарпуны один за другим, хотя первый еще не достиг цели. Чернуха, умница, не стреляла, хотя «банки» должны были уже зарядиться. Она не знала, какие именно торпеды я выбрал в качестве целей, поэтому ждала, не желая тратить заряд конденсаторов впустую, на торпеду, которой и так пришел бы конец от моего гарпуна.

Когда я отстрелял первый пакет из десяти гарпунов, монитор показал первые вспышки попаданий. Все десять моих гарпунов попали в цель, Чернуха добавила ультразвуком, прикончив еще одну тварь, и их осталось всего четыре. Они метнулись в разные стороны и бросились наутек. Но что такое сорок, даже шестьдесят узлов, в сравнении со скоростью гарпуна, мчащегося на реактивной тяге в коконе пара, а не в плотной воде? Рыбам на смех. Я снял второй пакет с каркаса и принялся долбить «двочками» вслед удирающим тварям. Отбив весь пакет из десятка снарядов, я врубил водомет, и устремился к открытому шлюзу.

«Возвращаюсь на борт!» – передал я.

Стоило мне оказаться в шлюзе, насосы тут же принялись откачивать воду. Наконец открылась нижняя диафрагма, залив, как я и предполагал, полимерный пол коридора остатками воды, а я спрыгнул вниз и тут же снял шлем.

Раньше, со старыми культурами грибка, приходилось после возвращения из пучины принимать флюкостат и другие противогрибковые препараты, чтобы микроскопические мицеллы не продолжали размножаться в крови и не забивали собой капилляры. Теперь это было в прошлом, в лабораториях охотников выводили все более совершенные штаммы, для деактивации которых достаточно совершенно безопасной для человека «маркерной» таблетки. Грибок узнавал ключевое вещество и включал программу самоуничтожения, полностью выводясь из организма через несколько часов.

Я проглотил пилюлю, и пока снимал костюм, раскладывал снаряжение и оружие по местам в арсенале, ко мне уже вернулся нормальный дыхательный рефлекс. Заглянув в стрелковый комплекс, я включил радары на максимальную дальность обнаружения, и убедился, что в радиусе пяти километров от нас живых тварей нет. Если появятся, я всегда успею занять свое место, а сейчас мне хотелось побыть с Чернухой.

– Они могли нас торпедировать, – сказала она, когда я уселся в соседнее кресло.

– Чушь, – заявил я. – У нас была только ультразвуковая пушка. В реальном бою у нас несравнимо большая огневая мощь. Даже сейчас, я из обычного карабина их перещелкал.

– Вывод?

– Ну, я делаю вывод, что ультразвуковая пушка, это скорее оружие последнего шанса, когда кончились боеприпасы. Или когда твари идут густо, и их сразу много попадает под луч.

– Мне тоже так показалось. Так что если Хай и дальше нам запретит стрелять чем нужно, я собираюсь вступить с ним в полемику.

Она не знала о кровавой клятве, которую я дал Вершинскому. Я обещал никогда и ни в чем ему не перечить. Но сейчас Чернуха ждала моей реакции на ее слова. Я не мог ей в лоб заявить, что ради спасения жизни Ксюши дал Вершинскому подобное обещание. И не нарушу его.

– Мысль здравая, – сказал я.

– И?

– Я думаю, что Хай запретил тратить боезапас только на пути к Севастополю. Нам дай волю, все расстреляем.

– Ты встанешь на мою сторону, или на его, если мы не сойдемся во мнениях?

– В зависимости от того, посчитаю я твою позицию правильной, или нет. – Я нашел способ выкрутиться.

Я думал, Чернуха обидится. Но у нее в глазах, наоборот, заиграли веселые искры.

– Ты прикольный, – сказала она. – Другой бы наплел сто обещаний. Не сдержал бы ни одного. От тебя понятно, чего ожидать.

– И? – передразнил я ее.

– Ну, мне это нравится. – Она чуть смутилась. – Ладно, хватит бакланить, надо двигать к цели.

Она промеряла на штурманском мониторе возможную линию нашего пути. Получилось сто тридцать пять миль до входа в Севастопольскую бухту. На маршевом моторе, если делать даже сто узлов, без напряжения, путь займет не больше полутора часов.

– Можно с тобой посидеть? – спросил я. – Если что, я мухой до пульта.

– Извольте, сударь, – с улыбкой ответила Чернуха, и дала малую тягу маршевому мотору.

Глава 5. «Волки под деревом»

Ход на маршевом прямоточнике – это нечто. Обычные батипланы, стоило врубить реактивный режим, начинали вести себя не очень стабильно, требовали большого напряжения от пилота, особенно на поворотах. В случае ошибки батиплан мог вылететь из газового туннеля, созданного нагнетаемым паром, и на скорости больше двухсот километров в час врубиться в воду. Это та еще развлекуха, врагу не пожелаешь, если выживешь после чудовищной перегрузки. Но «Толстозадый», не смотря на уродливую форму, точнее благодаря ей, вел себя на удивление стабильно. Широкая корма шла в туннеле из пара, как поршень, стабилизируя всю конструкцию, подобно оперению стрелы. Из-за этого не ощущалось безумной скорости, на которой мы пронзали глубину, не было ни вибраций, ни гула, наверное еще от того, что реликтовая броня это все поглощала без остатка.

Когда батиплан мчится в туннеле из создаваемого передними дюзами пара, камеры ходовых мониторов совершенно бесполезны, они не покажут ничего, кроме бурного месива из клубящейся мглы, поэтому главный бортовой вычислитель формирует синтетическую проекцию, созданную на основе анализа совокупных сигналов радара и сонара, на которую накладывается дополнительная навигационная информация в виде визуальных треков оптимальной траектории и заданного путевого курса. К этому надо привыкнуть, потому что изображение рельефа дна и уровень сероводородного слоя на этой проекции выглядят монохромными трехмерными сетками, тогда как навигационные маркеры окрашены в яркие изумрудные, рубиновые и янтарные цвета. Чернуха выключила свет в рубке, ее освещал теперь лишь ходовой монитор и светящийся разноцветный бисер индикаторов на панели, напоминающий россыпь звезд в бесконечном космосе.

Это было волшебно. Мы с Чернухой словно бесплотные первородные демиурги мчались во тьме пучины через нами же созданную вселенную. Лицо Чернухи в отсветах индикаторов было спокойным, ноги упирались в педали отклонения по горизонту, а правый кулак сжимал рукоять управления тангажом и креном. «Толстозадый» раздвигал воду паром из дюз, и ракетой скользил в газовой среде, оставляя за собой длинный шлейф микроскопических пузырьков.

Я протянул руку и коснулся пальцев Чернухи, стиснувших левый подлокотник кресла. Видно было, как она на пару секунд закрыла глаза, словно кошка на солнышке, но вскоре взяла себя в руки и снова сосредоточилась на показаниях мониторов.

Иногда, очень далеко, на пределе чувствительности, локатор засекал метки биотехов. Это были разрозненные патрульные стаи, иногда мины, притаившиеся у границы сероводородного слоя. Охотники в первую очередь зачищали от тварей прибрежные акватории, чтобы обеспечить рациональные каботажные курсы для зарождающегося судоходства, и выжившие твари это понимали прекрасно, уходили подальше от берегов, питались, нагуливали нитрожир и ждали удобного шанса напасть. Мне нравилось, что мы с тварями поменялись местами. Теперь мы их теснили, а не они нас.

На самом деле торпеды слышали грохот маршевого мотора на гораздо большем расстоянии, чем наш локатор засекал их. Зная повадки тварей, можно было предположить, что они стягиваются, пытаются рассчитать наш курс и выйти наперерез. Раньше бы, когда их было не в пример больше, им бы это удалось, без сомнения, но теперь, когда мы в значительной мере проредили их численность, у нас был шанс прорваться до входа в Севастопольскую бухту без боя.

Но чем меньше нам оставалось до цели, тем тревожнее становилась обстановка. Сначала просто меток стало больше в зоне обнаружения, затем они начали появляться прямо по курсу, и Чернуха на меня покосилась.

– Что предпримем, сударь? – спросила она.

- Моя светлость думать изволит. Погоди.
- Долбануть бы по ним, как следует, – мечтательно произнесла Чернуха.
- Я бы не отказался, но у нас приказ. – ответил я.
- Может ну его, этот приказ, в задницу тухлой селедке?

И тут я понял, что наши отношения с Чернухой неизбежно испортятся, если я не расскажу ей то, чего не хотел бы ей говорить, опасаясь беречь ее чувства. Мы одна команда, нам вместе придется сражаться, вместе принимать решения, от которых будет зависеть жизнь. Это невозможно будет, если Чернуха, да и Бодрый с Чучундрой, да и сама Ксюша не поймут, почему, по какой такой веской причине я ни при каких обстоятельствах не могу послушаться приказа Вершинского, да и вообще как-то перечить ему.

- Тормозни «Толстозадого», – попросил я. – Есть серьезный разговор.
- С ума сошел? – Чернуха убрала руку с подлокотника и повертела у виска указательным пальцем. – Нас зажмут к дьяволу, пока мы тут будем лясы точить.
- Ну, хорошо, не тормози. Но мы мчимся на патрульную стаю, а я должен тебе внятно объяснить, почему мы точно не сможем стрелять чем-то кроме ультразвука.
- Заинтриговал, – хмыкнув, произнесла Чернуха. – Хорошо, ты рассказывай, а я буду маневрировать. Места пока достаточно.

Ну, я и начал рассказывать. Я в подробностях поведал, как из-за моей ошибки, из-за неумения управлять гравилетом, Ксюша упала со скалы и разбилась. Рассказал, как Вершинский предложил мне реанимировать Ксюшу при помощи реликта, в обмен на беспрекословное подчинение. Я рассказал и о данной мною кровавой клятве, и о том, что не имею права нарушить ее.

Чернуха слушала молча, заводя батиплан в пологую дугу, чтобы уйти от торпед, мчащихся на нас встречным курсом. Ее лицо сделалось напряженным, но было понятно, что это не из-за маневра, а из-за того, что я решил многим пожертвовать не ради нее, а ради другой девчонки. Я знал, что ей трудно будет это узнать, и не ошибся.

Конечно, закончив рассказ, я ожидал ироничных замечаний со стороны Чернухи, был уверен, что она скажет что-то вроде, мол, ты не мозгами думал, а совсем другим местом, которое болтается ниже пояса. Мне не хотелось оправдываться перед ней, потому что, выскажи она нечто такое, оказалась бы во многом права. Я много думал об этом, уже через год после появления Вершинского, когда Ксюша начала неуволимо меняться под влиянием реликта в крови, а затем все больше и больше. Я копался в своих чувствах, взвешивал их, измерял, как мог, но от этого становилось лишь хуже. Мне не раз приходило в голову, что люди вообще влюбляются часто как бы по обстоятельствам, скорее всего.

Ну, взять хотя бы наш лагерь, уже после того, как погибли все взрослые, кроме Дохтера. Мальчишки постарше, ну, моего возраста, все были влюблены в кого-то из девчонок, потому что девчонок у нас было раза в два меньше, чем пацанов. Но если задним числом проанализировать, то отношения складывались не хаотично, не как-нибудь, а по вполне понятному и очевидному алгоритму. Кто с кем больше взаимодействовал, решая текущие задачи поселения, у тех и отношения возникали. При этом роли для участия в общественной жизни мы не сами себе выбирали, нам их раздавал Дохтер, исходя из особенностей и умений каждого. Нашу с Ксюшей пару тоже Дохтер сформировал, потому что Ксюша был лучшим стрелком из винтовки, а я лучше всех обращался с ракетным ружьем, что давало нам больше шансов добраться до устья реки и наловить там рыбы на пропитание, чем кому-то еще.

Мы-то думаем, это судьба, все дела. Но какая же это судьба, если вам сказали идти за рыбой, и вы пошли? Я вспомнил нашу самую первую вылазку, когда нам с Ксюшей пришлось впервые отправиться за рыбой в то место, где в Севастопольскую бухту впадала река Черная. Мы мелкие были совсем, какая уж там любовь! Я вообще девчонок ни в грош не ставил, считал их плакасами, а Ксюша на меня поглядывала свысока, считая умение отправлять пулю

на полкилометра точно в цель более важным, чем поднимать кучу земли из ракетного ружья в двухстах метрах. Мы поначалу и не разговаривали почти, только по самому важному делу, или чтобы поддеть друг друга.

Но потом мы выросли, у меня начало возникать откровенное и осознанное желание, Ксюшино тело начало меня возбуждать. Поначалу это Ксюшу лишь злило, и она меня дураком обзывала, если я задерживал где-то взгляд дольше приличного, но потом мы как-то притерлись, я начал воображать, что ей нравлюсь, а раз так, у меня есть шансы, которых нет у других. И это действительно было так, но причина была не в моих достоинствах, а лишь в том, что мы с Ксюшей вместе ходили за рыбой по приказу Дохтера. Если бы Чернуха, а не Ксюша, лучше всех стреляла из винтовки, то объектом моего желания, а затем и чувств, стала бы она. Я это вдруг с какой-то неприятной степенью очевидности осознал.

Я ждал, что Чернуха мне все это выложит, но она лишь сказала:

– Она стала странной в последнее время. И как тебе с ней?

Я сглотнул. Лучше бы Чернуха все же мне вывалила то, чего я от нее ожидал, чем это. Я, правда, едва удержал слезы, и стало мне так хреново, как не было с тех пор, когда я совсем еще пацаном отравился найденными в старой штольне консервами. Но я знал, что мне надо ответить на этот вопрос, рубанувший меня, словно лезвием тяжелого гарпуна.

– Не очень, – выдавил я из себя. – Мы с ней и сексом-то нормально занимались лишь в первый год, когда еще на озере жили. Затем, уже в рейде на восток, у нее странные предпочтения стали возникать.

– Странные? – заинтересовалась Чернуха, не отрывая взгляд от ползущих по монитору меток.

– Ну, обособленные от меня. И ладно бы обособленные, меня не это запарило, я бы и в таком участие принимал с удовольствием. Но она даже когда сама себя трогает при мне, то словно батареи внутри заряжает, а не ради чего-то другого. Видно, что ей приятно, все дела, ну, и в конце все, как положено, но это к эротике вообще никаким местом. Даже не знаю, как тебе объяснить. Ну, представь человека, который голодный и ест. Он же тоже испытывает наслаждение от еды, и в конце наедается, испытывает удовлетворение. Но эротизма в этом ноль, просто восполнение нужных веществ и энергии в организме.

– И Чайка так дрожит? – хмыкнув, спросила Чернуха. – Как ест?

Мне слух резануло грубое слово. Было в нем неприкрытое презрение к той, кого я любил и продолжал любить. Слезы у меня с глаз тут же сняло, и вместо жалости к себе зародилось внезапно возникшее раздражение к Чернухе. Я ей открылся, а она меня рубанула. Это было неприятно. Очень.

– Да, – ответил я. – Так она дрожит.

И Чернуха тут же едва уловимо вздрогнула, и словно потухла внутри. Она поняла, что сморозила лишнее. Я думаю, она даже поняла, что я ей этого не прощу, а если прощу, то не скоро. И уж точно не положу ей больше руку на пальцы, когда она ведет батиплан в глубине. Я все то же самое понял, и ощутил, как между нами возникла стена, и с каждым мигмом становится все толще и толще, и если прямо сейчас чего-то не предпринять, она застынет, эта стена, окаменеет, и нам ее уже никогда будет не проломить. Но меня словно парализовало, я понимал, что так оставлять нельзя, но другая моя часть мстительно наблюдала, как крепнет между нами эта преграда. Та часть, которая смертельно обиделась на Чернуху за единственное неосторожное слово. Впрочем, неосторожность тут была ни при чем. Она намеренно это сказала, в попытке продемонстрировать, что она на моей стороне, а не на Ксюшиной. Она не учла, что, как бы там ни было, с Ксюшей сторона у нас все же одна.

Когда стена уже готова была застыть, зацементироваться окончательно и начать прорастивать внутри себя арматуру, случилось то, чего я совершенно не ожидал.

– Прости меня, Долговязый, я дура, – прошептала Чернуха, и по ее щекам потекли крупные слезы. – Я влюбленная дура, которая даже чувства свои не может нормально выразить.

Нет, нельзя сказать, что я не ожидал извинений. Я ожидал их, и знал, что их не приму. Но я не ожидал таких извинений. Извинений такой степени искренности. Эта искренность, эти неподдельные слезы, обнажившие полыхающее сердце Чернухи, и сам жар ее сердца с такой мощью ударили в возникшую между нами стену, что разнесли ее на мельчайшие, острые, как иглы, осколки. Эти осколки настолько сильно хлестнули меня по глазам, что у меня тоже потекли слезы, и я не сумел их сдержать.

Я вскочил из кресла, шагнул к Чернухе, прижался грудью к ее плечу, уткнулся лицом в ее волосы, и шептал что-то, сам не понимая что, только бы ее успокоить, только бы она перестала плакать.

– В задницу дохлой селедки эти приказы, – произнес я под конец. – Будем стрелять.

– Не будем, – твердым тоном заявила Чернуха, шмыгнула носом и утерла рукавом глаза. – Я на твоей стороне, можешь не сомневаться. Не надо тебе переходить на мою.

– Маневрировать сможешь? – Я тоже утер глаза тыльной стороной ладони, и глянул на ходовой монитор.

Ничего радостного он не показал. Кроме стаи торпед, от лобового курса с которыми Чернухе удалось уклониться, нас поджимали с флангов еще две стаи, но на таком расстоянии лока-тор не показывал, сколько особей в каждой, разрешения не хватало.

– Не уверена, – прикинув шансы, ответила Чернуха. – Ну, то есть, можно, но придется делать большой крюк на юг. Ну, как большой, километров пятьдесят лишних отмахаем.

– Не факт, что на этом пути не нарвемся на новых тварей. А если наоборот, обойти с южной стороны, близко к берегу?

– На маршевом? Ну, опасно. На маневровых не получится, точно зажмут. Мы же не идем тихонечко, как корабль. Грохот наших дюз твари слышат по всему морю, поэтому их сюда уже столько стянулось, что на маневровых точно не прорвемся.

– Есть идея, – подумав, ответил я. – Дай мне карту побережья на монитор.

– Что искать собираешься?

– Бухту. Нужна бухта с ограниченным, как можно более узким, входом.

– Что-то я не помню такой, – ответила Чернуха, окончательно успокоившись. – У самого Севастополя есть несколько, но не очень узких, и мы не успеем до них добраться.

– А это? – я ткнул пальцем в карту на мониторе.

Там виднелась бухта, напоминающая не бухту скорее, а устье большой реки. Вот только самой реки там было не видеть, точнее видеть, но на реку это не тянуло, скорее на ручей. Возможно, в доисторические времена тут действительно в море впадала большая река, прорыла себе русло, а потом возьми, и иссякни. Была бы река, в бухту бы биотехам вообще не войти, вода для них была бы недостаточно соленой, а так, конечно, сомнительно. Но в нашей ситуации достаточно было просто бухты. Как раз такой, с узким входом.

Бортовой вычислитель выдал топоним «Балаклавская бухта» и название города на одном из его берегов – Балаклава. Название было странным, непонятно с чего взявшимся, но мне было не до исторических справок.

– Заводи туда! – попросил я Чернуху.

На самом деле мы эту бухту почти проскочили, и если бы меня вовремя не осенило, проскочили бы вовсе, и тогда нам точно пришлось бы туго.

– Мне такой вираж на маршевом не заложить! – призналась Чернуха. – Вылетим из туннеля.

– Гаси его к дьяволу!

Выбирать не приходилось, Чернуха погасила бушующее в дюзах водородное пламя, вывела батиплан из маршевого режима, и, когда тот плавно выскользнул из парового туннеля,

врубил на полную тягу маневровые турбины. Нас сильно качнуло вперед, но это были мелочи, в сравнении с глубиной океана, как сказал когда-то Вершинский.

Чернуха одновременно толкнула ногой правую педаль и заложила вправо ручку управления креном. «Толстозадый» тут же отреагировал – его нос начало уводить вправо за счет горизонтальных рулей, а крен еще больше загнал его в крутой вираж.

– Пушка! – Голос Чернухи вывел меня из легкого ступора, возникшего от восхищения красотой маневра.

Бежать в стрелковый комплекс было уже поздно, торпеды приближались, и вскоре не слабой толпой войдут в зону поражения ультразвуком. Так что я без затей активировал запасной огневой пульт. Возможности у него были ограниченными, лишь один монитор, а вместо спусковой педали кнопка на джойстике управления, и стрелять, можно, по сути, только ультразвуковой пушкой, но мы и так ничем больше стрелять не могли.

Можно было выдвинуть откидное кресло, но я не стал заморачиваться – кабина тесная, так что развернув кресло второго пилота, можно было вполне комфортно достать до всех органов управления.

Эти твари с нашим боевым ультразвуком еще не сталкивались, так что шли довольно узкой полосой, всего метров сто, и с текущей дистанции ширины луча хватило бы, чтобы накрыть их все разом. Еще несколько стай заходило с флангов, но меня беспокоили не они. Я подумал, что будет, если в бухте уже есть торпеды, и выросла парочка увесистых морских мин? Я с детства привык к Севастопольской бухте, в которую впадала река сильно побольше здешней, и в значительной степени опресняла воду, не давая тварям возможности там угнестись. Тут вода не могла быть настолько пресной, а значит, ничего не мешало биотехам занять позиции в бухте. Это надо было принимать в расчет, но до берега пока было далековато, чтобы локатор мог там что-нибудь показать.

Тем временем Чернуха закончила вираж на маневровых турбинах, положила «Толстозадого» на нужный курс и предупредила:

– Врубаю маршевый!

– Дай пару секунд, – попросил я, заканчивая наведение пушки.

Пусковая клавиша мягко поддавалась давлению моего пальца, и все мониторы прошила мутная полоса изумрудной ряби от нас до ближайшей стаи. Получилось хорошо, я разом накрыл с десятков тварей, две из них детонировали, прикончили еще троих, а остатки стаи вынуждены были прекратить атаку, рассредоточиться и перегруппироваться.

Это значительно удлинило дистанцию от нас до более или менее численной группировки противника, а после включения маршевого мотора расстояние до атакующих тварей стало увеличиваться еще быстрее. Мы неслись напрямик в бухту.

– Предупреди на дистанции пять километров до входа, – попросил я Чернуху. – Нужно хорошенько просканировать акваторию бухты локатором, пусть и в самом хреновом разрешении, а то вдруг там твари засели.

Правый фланг по курсу был чистым, левый теперь тоже, а все подтянувшиеся ранее торпеды после маневра оказались не прямо перед нами, а почти с кормы. И мы на скорости двести километров в час мчались к берегу. Ощущение то еще.

– Отметка пять! – наконец, сообщила Чернуха.

– Пока чисто! – ответил я, не сводя взгляд с орудийного дисплея.

– Маневровые!

Я крепче взялся за подлокотники, но все равно ремни впились в тело при выходе из маршевого режима. «Толстозадый» значительно сбросил скорость, но Чернуха дала маневром турбинам полную тягу и быстро разогнала подводный корабль до его крейсерских сорока узлов.

– Рано вышла! – вырвалось у меня. – На этой скорости пять километров мы преодолеем аж за десять минут!

– Могу дать тебе возможность подойти ближе на маршевом, – не скрывая иронии, ответила Чернуха. – Не дрейфь, торпеды в четырех километрах с кормы, и не разгонятся быстрее шестидесяти узлов. Я же не дура. Они не успеют нас догнать ни при каких обстоятельствах.

Она была права, а мне стало стыдно за проявление паники. Я прикинул по карте общую длину Балаклавской бухты, она по прямой составляла ровно один километр, но по прямой ее мерить было бессмысленно, так как ее профиль был довольно изгибистый и похож на перевернутую и растянутую по высоте цифру «2». Первый изгиб, сразу после входа в бухту, представлявший собой полукольцо головки цифры «2», состоял из двух дуг по двести пятьдесят метров каждая, затем узкая шейка длиной тоже двести пятьдесят метров, а затем ножка цифры «2» длиной более пятисот метров. Самым узким местом была «шейка» бухты, там ее ширина составляла всего семьдесят метров, что почти вдвое уже ширины нашего ультразвукового луча. Если нам удастся занять позицию в конце бухты, торпеды никак не смогут прорваться через это узкое место, я их все перебыю, даже с учетом времени перезарядки ионных «банок».

За два километра до входа в бухту стало ясно, что биотехов внутри нее нет, поскольку локатор на этой дистанции показывал уже все, что шевелится и имеет заводские биотехнологические маркеры. Впрочем, это понятно – пусть и небольшая, но все же река в бухту впадала, а жабры тварей очень чувствительны к пресной воде и без тактической необходимости торпеды соваться в нее любят даже при достаточном для их жизнедеятельности концентрации соли.

– Глубина на входе тридцать пять метров, – сообщила Чернуха глянув на показания сонара. – Дальше непонятно, изгиб. Но на маневровых пройдем без труда.

Торпеды нас все-таки догоняли, хоть и медленно, и когда до входа в бухту нам оставалось меньше километра, до головных особей преследующей нас стаи дистанция составила два километра, что пригодно для ультразвукового выстрела. Ну, я и выстрелил. Получилось очень удачно, рванули три из шести пораженных мною торпед, вызвав вторичные детонации, и еще четыре выживших детонировали от ударной волны. Остальные принялись рассредоточиваться уже известным нам способом, не только по ширине фронта но и по глубинным эшелонам. Но это уже пустое – такая тактика хорошо работала на морских просторах, никак не в узенькой бухте. Чтобы войти в нее, тварям в любом случае придется или сбиваться в кучу меньше ширины нашего боевого луча, или соваться поодиночке, в надежде, что нам не хватит времени на перезарядку «банок». Но это тоже пустое. Дело в том, что торпеда в рывке преодолевает пятьсот метров чуть меньше, чем за минуту, а «банки» набиваются за пять секунд. В узкой бухте длиной в километр им не подобраться к нам на дистанцию поражения, особенно с учетом реликтовой брони. Чтобы повредить нам камеры и другие датчики, или выбить лопатки маневровых турбин, надо совсем уж приблизиться, а другие повреждения нам не страшны.

Я глянул на монитор – мы входили в бухту. Чернуха сбавила тягу до средней, мы быстро прошли полукольцо и оказались в узкой горловине.

– Всплываем, – произнес я. – Нет смысла идти под водой.

– А пушки?

– Они и так ниже ватерлинии.

Через полминуты батиплан закачался на едва заметных волнах, не сбавляя хода. На мониторах стало видно высоченные скалистые берега по обе стороны бухты. Похоже, я ошибся, предположив, что над этим ландшафтом поработала древняя река. Нет, при ближайшем рассмотрении это больше походило на тектонический разлом. Западный берег был очень крутым и покрыт редкой растительностью, восточный оказался более пологим, на нем хорошо было видно руины города.

Дальше, на выходе из горловины, виднелись хорошо сохранившиеся пирсы из строительного композита, делавшие ее еще уже, чем она была от природы. Позиция, конечно, лучше не придумаешь, для стрельбы ультразвуком. Я глянул на оружейный дисплей, там все было вполне ожидаемо – торпеды стягивались со всех сторон, их было больше полусотни, но в бухту

соваться они не спешили. Развитые инстинкты хищника и достаточно мощный интеллект позволяли им не делать дурацких ошибок.

– Что дальше? – спросила Чернуха.

На мой взгляд, ответ был очевиден, но я все же произнес.

– Как что? Сунутся, буду стрелять. Пять секунд на перезарядку, я их всех пушу сверху брюхом.

– Это понятно, – не скрывая иронии произнесла Чернуха. – Но я спрашиваю, что потом? Сунется несколько торпед, ты их грохнешь. Они перестанут соваться, займут позиции у входа в бухту. Дальше что? Наша конечная цель – Севастопольская бухта. Как мы туда попадем?

Честно говоря, об этом я как-то не подумал. Мною самым руководили инстинкты, когда стало ясно, что торпеды нас зажмут, если мы попытаемся отстреливаться только ультразвуком, без применения других огневых средств. Ну, это как если за человеком погнались волки, он ищет дерево, чтобы влезть на него. Сначала ищет, залезает на ветку, а потом уже думает, как поступить дальше. Но перед тем, как забраться на дерево, человек меньше всего размышляет, как потом с дерева слезть, если волки разлягутся вокруг, и уходить не станут. Вот и я не об этом думал, когда искал бухту. Я думал, как отстреливаться, если твари сунутся в горловину. Но у меня ни одной мысли не было на тот случай, если они не сунутся, а просто блокируют нас внутри, без особых затей.

– Приплыли? – покосившись на меня, спросила Чернуха.

Я глянул на орудийный дисплей. Торпеды не пытались за нами гнаться. Они подтягивались, делились на небольшие стаи, до десяти особей, располагались полумесяцем на всех доступных глубинных эшелонах. И все. Ничего больше. Точно как волки, севшие полукругом вокруг дуба, на который удалось вскарабкаться незадачливому путнику.

Я сглотнул. Волки-то ладно. Им надо пить, им надо есть, они не могут сидеть под деревом вечно. Тварям же некуда было спешить. Часть из них питались планктоном, часть были хищниками, а рыбы в этих водах завались и больше. Расплодилось за то время, пока человек ее не ловил.

– Я так понимаю, что встреча с Хаем у нас теперь тут. – Чернуха не удержалась и приснула смехом. – Представляю его лицо. И какого калибра фитиль он нам вставит обоим в задницы.

– Ну... Разве были другие варианты? Ты могла прорваться на одних маневрах под прикрытием лишь ультразвуковой пушки?

– Нет.

– Ну, и нечего тогда надо мной ржать. Это нам еще повезло, что бухта тут оказалась. Так бы точно пришлось нарушать приказ, и неизвестно, за какой из вариантов проступка нам вставили бы более толстые фитили.

– Пожалуй. Приказ-то мы не нарушили. Возможно, Хай как раз хотел проверить, слушаемся мы его в критической ситуации, или нет. Пусть летит теперь и думает, как нас отсюда вызволять. Пусть грузит на гравилет ракетно-бомбовые установки, расставляет их на берегу, расчищает акваторию...

– Ну, таскать и расставлять установки будет точно не он, а мы, – пробурчал я. – Надо подумать. На самом деле, было бы прикольно самим выбраться.

– Ага, и Хай, вместо фитиля, даст нам по ордену.

– Дело не в орденах. Ты же понимаешь, что нам придется сражаться с тварями в океане, где не нырнешь в сероводородный слой, как мы делали раньше. Нам придется на ходу придумывать нестандартные тактические решения.

– Ты прав. Но надо отдышаться и как минимум закрепиться в обороне.

– Да. Вручную долбить ультразвуком нет ни малейшего смысла. Акватория узкая, тут и вычислитель справится замечательно. погоди, не отвлекай меня с полчасика, я напишу боевой профиль для создавшейся ситуации.

– Валяй! – благосклонно разрешила Чернуха, откинувшись в кресле и закрыла глаза.

Я перебрался на основной огневой пульт и принялся составлять новый боевой профиль для вычислителя, чтобы при заходе любой твари в бухту, автомат управления огнем сам бы долбил по ним ультразвуком. То и дело мое воображение рисовало волков, рассеявшихся полукругом у подножия небольшого дуба.

«Сам ты дуб, – подумал я. – Надо было послушать Чернуху, и пробовать прорваться на юг. Тоже мне, стратег. Адмирал Ушаков, дьявол меня заberi».

Глава 6. «Скрытая угроза»

Профиль для автомата управления огнем был простым, я его сделал минут за двадцать, после чего вернулся в рубку, к Чернухе. Та дремала в кресле первого пилота, даже не отстегнув ремни. Я постоял рядом с ней немного, вдыхая аромат, струящийся от ее волос, впитывая запах кожи, разгоряченной недавним боем.

В полутьме сияли лишь цветные бусинки индикаторов и мягкое марево голографических шкал. Было тихо, как бывало в нашем карьере, когда выпадал редкий для Крыма снег. Словно невидимые добрые боги укутали, наконец, землю мягким пушистым одеялом, которое можно натянуть до носа, и больше не беспокоиться ни о чем, или нырнуть под него с головой спасаясь от маленьких детских страхов. Но сейчас не боги окружали нас, а жуткие демоны, притаившиеся в мрачной пучине вод. Они до сих пор пугали меня до судорог, пугали намного сильнее, чем мог бы напугать хищный зверь.

Даже внутри батиплана, под защитой непробиваемой брони из реликта, страх перед тварями сжимал сердце и вызывал неприятную дрожь вдоль позвоночника. Это на рефлексам. Но откуда они, эти рефлексам? Ладно бы ужас перед хищником, это понятно, это, действительно, в генной памяти человечества, еще с тех времен, когда остатки плейстоценовых медведей и тигров вторгались в жизнь первобытного человека. Но биотехи созданы были совсем недавно, какие уж тут гены? Я не знал, кто этих тварей сотворил, когда и зачем. Незнание, непонимание, наверное именно они являлись стержнем страха. Впрочем, на этот стержень было нанизано нечто более важное для формирования страха – неумолимость. Хищника можно напугать, он может устать, он может заняться другой добычей. Биотехам же это не было свойственно. Они никогда не сдавались, никогда не прекращали преследования, они могли ждать целую вечность, потому что соленая вода была их средой обитания, тогда как мы, люди, со всеми своими технологическими чудесами, были в воде чужаками. Биотехов можно было только убить. Да и то не без сложностей.

Черное море – большая соленая лужа, по сути. Да, мы взялись, поднатужились, навалились толпой, пользуясь колоссальной огневой мощью и преимуществом в скорости боевых батипланов. Отвоевали одну эту лужу, и нас уже распирает от гордости. Да и как отвоевали? Если бы отвоевали, нас бы не загнали в эту бухту и не блокировали бы в ней. Если бы мы действительно что-то отвоевали, не выбрасывало бы штормами на песчаные отмели десятки килограммов созданной на заводах икры. Сколько же ее там, в глубине? В Черном море еще ладно, большая часть его дна покрыта сероводородом, там ничего не живет, ничего не вылупится. Но если другие моря и весь океан засеян с такой же плотностью, не обречен ли штурм бездны на провал по определению? Я надеялся, что не обречен, надеялся, что можно выбить взрослых, боеспособных особей, а затем взять океан под контроль, не давая развиваться личинкам. Если бы не было надежды на это, мало бы кто пошел в охотники.

Именно в эти минуты, сидя в кресле второго пилота в темной рубке, освещенной огоньками цветных индикаторов, глядя на оружейный дисплей, на котором искрились изумрудные метки тварей у входа в бухту, я до конца осознал, почему биотехи выгнали человечество из океана. Я понял, что именно страх перед ними и есть их самое главное оружие. Не нитрожир, не безграничная ярость, а именно наш страх перед ними. Именно он загнал нас с Чернухой в эту бухту. Именно он не дает в душах людей сформироваться должной свирепости в отношении тварей, именно он не дает без оглядки крушить их. Для победы над биотехами, я понял это со всей отчетливостью, нам не хватает ни огневой мощи, ни кораблей, ни людей. Нет. Нам не хватает бесстрашия.

Теперь нас ждал океан. Там, в черных безднах, нам мало будет одной лишь тактики, стратегии, огневой мощи, скорости и маневренности. Ну, есть оно все у нас, а мы с Чернухой

все равно сидим в скальной щели как мыши. Завидев радарные метки тварей, мы начали спасаться, точно как мыши от кота, бежать, именно поэтому казались загнанными в эту дыру. Нас гнали не твари, нас гнал страх перед ними.

До меня вдруг с удивительной ясностью дошло, почему Вершинский запретил нам пользоваться любым оружием, кроме ультразвука. Я не выдержал, разбудил Чернуху, и принялся сбивчиво ей рассказывать про страх, как главное оружие биотехов.

– Ну... – Ее реакция оказалась намного более вялой, чем я рассчитывал. – Разве это не каждому понятно?

– Да, понятно. И нам с тобой, и Хаю. Но понятно на подсознательном уровне. Подсознание управляет телом, его температурой, пульсом, давлением крови, гормонами, но оно не способно мотивировать к осознанному поведению. Осознанное поведение, это намного больше, чем отмахиваться палкой от волка, или кидаться в него камнями.

– Так-так! – Я заметил, что до Чернухи все же начало доходить.

– Осознанное поведение, это знаешь что? Это не палкой отмахиваться от волков, это построить ловушки и заманить в них волков. Это разум против инстинкта, а порой хитрость против разума.

– Пока что мы в ловушке, – резонно заметила Чернуха.

– Я об этом и говорю! Не твари нас в нее загнали, а страх перед ними. Мы драпали, искали укрытие, и застряли, как крысы в норе. А у входа в нору что? Решетка? Нет! Засыпано землей? Нет! Там просто развели огонь, как у крысиной норы, и мы боимся сунуться, боимся проверить, сможем проскочить через языки пламени, или нет.

– Можем не проскочить.

– Можем. И что? Помнишь, как я дрался с тварями на отмели, когда ты вела «Мымру» к берегу? Я был один, вообще без брони, с карабином, против десятков торпед. Как я победил? Это произошло всего по одной причине. Не меткость мне помогла, не количество гарпунов. Многие с такой же меткостью и числом гарпунов даже не ввязались бы в бой. Я ввязался и выиграл, потому что решил, что не я жертва. Я был охотником, а твари лишь дичью.

– Смена ролей, – задумчиво произнесла Чернуха. – Я читала нечто такое в книжке. Там какой-то доктор доказывал, что у тех, кто бьет и у тех, кого бьют даже мозг по-разному работает. И если поменять роли, поменяется победитель.

– Хай говорил нечто похожее. Мол, в битве побеждает не тот, кто лучше вооружен, не тот, кого больше, не тот, кто обучен лучше, а только и только тот кто лучше мотивирован. Была такая война, когда сильнейшая страна мира напала на совсем дикий народ, не помню как он назывался. Дикий народ выиграл войну, и с ним сильной стране пришлось заключить позорный для нее мир. Этот народ решил, что он хозяин на своей земле и перебил чужаков, намного лучше вооруженных.

– И что ты предлагаешь на практике? – Чернуха приподняла брови.

– Предлагаю перестать бояться. Ну их, эти старые страхи. Устал я от них. Предлагаю утопить их в этой бухте. Вместе с тварями.

– Драться?

– Нет. Не драться. Охотиться. Уничтожать. Крушить. Выводить под корень. Это пусть теперь они с нами попробуют драться.

Пискнул автомат управления огнем, я скосил взгляд на оружейный дисплей и увидел, как ультразвуковая пушка в автоматическом режиме уничтожила торпеду-разведчицу.

– Сунутся еще несколько раз и перестанут, – уверенно заявила Чернуха.

– Безусловно. Мозги им нормально софтом накачали. Но у нас от природы разум, нас эволюция научила выживать. Поможешь мне собраться?

– Наружу? – В тоне Чернухи прозвучали тревожные нотки.

– Конечно. Изнутри на них хрен поохотишься. Надо посмотреть, что есть в арсенале. Хай ведь запретил нам использовать только вооружение батиплана.

К сожалению, арсенал изобилием не порадовал. Как и все на «Толстозадом» он был тесен, в него не без труда помещалось необходимое для нашей команды – пять гидрокостюмов, ампулы с дыхательным грибком, боевые каркасы, довольно много гарпунов, ракет к легкому подводному ракетомету и ручных глубинных бомбочек, которые нас много раз выручали. Впрочем, сухопутное оружие тоже было – два тяжелых ракетных ружья, четыре легких, отличная безгильзовая снайперская винтовка, для Ксюши, разумеется, и как ни странно, одна автоматическая ракетно-бобовая установка. Вроде тех, какие мы установили в свое время на «Мымру» для усиления огневой мощи. Зарядов к ней было немного, на пять полных залпов, но к ней не было автомата заряжания, что не исключало ручную перезарядку.

Кроме того, у нас было два трофейных БМФ-400, а пулемет Чернуха бросила на «Амбере», отстреляв весь боезапас. Впрочем, это в схватке с биотехами точно никак бы не помогло, хотя, по тактико-техническим данным, система перезарядки БМФ-400 позволяла вести огонь под водой, даже очередями. Но пули – не гарпуны, у них стабилизация в жидкой среде никакая, и толку ноль.

В системе вооружения «Толстозадого» имелся девятимиллиметровый пулемет под гильзовый боеприпас для подавления противника на берегу, в случае необходимости десантирования. Но это оружие уже относилось к бортовому, значит, применять мы его не могли.

Конечно, в первую очередь я подумал об автоматической ракетно-бомбовой установке. В теории это был самый простой путь – закрепить установку на скале у входа в бухту и тупо забить тварей глубинными бомбами. Но на практике этот план имел несколько минусов. Во-первых, установка весила тридцать килограммов вместе со станиной, и переть ее километр по горам – развлечение на любителя. Во-вторых, кассет с бомбами для нее мало, и они не невосомые, их тоже придется переть на себе, что означало, как минимум, две ходки, а то и больше. В-третьих, автомата заряжания к установке не было, и говорить о ней, как об автоматической было большим преувеличением. Снаряжать придется вручную.

Я вспомнил, как Вершинский говорил о том, что легкие пути потому и кажутся легкими, что ведут под гору, и часто к краю пропасти. А трудные потому и воспринимаются трудными, что ведут в гору, вверх, до самых вершин. Говорил, дескать, выбирай трудные пути, не ошибешься. Но на деле я далеко не всегда понимал, какой путь трудный, а какой бессмысленно тяжелый. Вот, установку переть на себе тяжело, но путь-то по сути легкий. А трудный тогда какой?

Мой взгляд остановился на тяжелых ракетных ружьях. Легкие били лишь метров на триста с большой эффективностью, и предназначались для подавления живой силы легкими осколочными и фугасными снарядами. Но тяжелые – дело другое. Это скорее не противопехотное, а зенитное средство, чтобы сбивать биотехнологические ракеты. К такому тяжелому ружью шел широкий спектр реактивных боеприпасов, как неуправляемых, так и управляемых. Прицел там тоже был, дай бог каждому, голографический, с вычислителем на колбе Марковича. По сути, это был не прицел даже, а компактный многоцелевой локатор с дальностью обнаружения более пяти километров и с выводом графических данных на голографический дисплей высокого разрешения с диагональю сорок сантиметров. Это вам не ершей острогой пугать. Весило такое ружьишко, правда, тоже не мало, полных восемь килограммов, но такой багаж не особо руки оттянет, с учетом его боевой эффективности.

Был в применении такого ружья и еще один важный положительный момент – снаряд летел не в воде, а в воздухе, и торпеды, лишившись поддержки и покровительства шельфовых ракетных платформ, не имели возможности засечь его на траектории и уклониться. При длине бухты в километр и боевой дальности ружья в пять километров, я мог долбить по тварям с борта «Толстозадого», удобно расположившись в шезлонге с картриджем лимонада у ног.

К сожалению, ни шезлонга, ни лимонада в нашем распоряжении не было, но зато имелись продвинутые глубинные бомбы к нему, надкалиберные, повышенной мощности взрыва.

– Тебе в рубке-то тоже делать особо нечего, – сказал я Чернухе. – В прицел тяжелого ружья мы будем видеть всех тварей, и успеем принять меры, если боевой профиль для автомата облагается. Так что вооружайся, постреляем вволю.

– Прямо с брони? – В глазах Чернухи заблестели веселые искорки.

– Не вижу для этого никаких препятствий, сударыня.

Мы оба обвешались удобными патронташами с увесистыми снарядами, взяли по ружью и выбрались через шлюз наружу. Включив прицел, который высветил над стволом прямоугольную голографическую проекцию, я разглядел туманные профили скал, подсвеченный уровень моря, показания альтиметра, компаса и координатного модуля, но главное – стандартные радарные метки тварей. Их было много у входа в бухту, больше пятидесяти, но зато других поблизости не было видно, похоже, к нам стянулись все торпеды, выжившие после зачистки прилегающей акватории.

– Поохотимся, – произнес я, снарядил ружье реактивной глубиной бомбой и пальнул в одну из ближайших стай.

Я привык к тому, что торпеды после выстрела бросаются врассыпную. Они ведь сканируют пространство вокруг себя ультразвуком, и слух у них чуткий, и еще срединная линия, как у рыб, чувствительная к любым перепадам давления. Но реагируют они, только если выстрел произведен в воде. Мой же снаряд, выбитый из ствола первичным вышибным зарядом, врубил реактивный двигатель в пяти метрах от меня, стабилизировался на траектории, и понесся вдаль, оставляя за собой кучерявый след белого дыма. Чернуха, умница, не стала ждать, а тоже пальнула, в другую стаю, чтобы дать тварям меньше шансов принять решение.

Тяжелыми ружьями мы много раз пользовались, не только на тренировках, но и в бою, прикрываясь от атаки ракетных платформ, то есть, по воздушным целям осколочными заградительными снарядами. Глубинные бомбы к этим ружьям были для нас новой магической частью, мы не знали их мощности, и сколько торпед они могут убить при попадании в стаю. Знали мы только то, что на этих снарядах не надо вручную устанавливать замедлитель и глубину взрыва, это в автоматическом режиме делал вычислитель прицела. Но, честно говоря, сообразительностью он нас удивил. Понятно, что он знал положение каждой из торпед по локатору, дистанцию до них, и текущую глубину погружения, но одно дело иметь информацию, а совсем другое – отработать алгоритмы поведения снаряда на траектории. Тут, надо сказать, спецы-кибернетики постарались на славу.

Дело в том, что снаряды, разогнавшись на реактивной тяге, отстрелили еще не отработавшие двигатели заранее, задолго до достижения цели. Дальше боевая часть мчалась по баллистической траектории, согласно заранее созданной модели расположения относительно выбранной цели. Это исключало для торпед возможность хоть как-то услышать вой вырывающегося из дюзы раскаленного газа. Дальше больше. Торпеды ведь не мины, они не стоят на месте и не прилипли к грунту якорным жгутиком, они барражируют, лавируют, описывают дуги постоянно, заодно ловят рыбу или процеживают планктон для снабжения водометов глюкозой и жиром. Выпущенная из ружья ракета достигает цели достаточно быстро, но не моментально, и за это время твари успевают хоть немного уклониться от точки самого эффективного поражения. Но не в случае с нашими умными глубинными бомбами. Это чудо технической мысли, разогнавшись и отстрелив двигатели, не просто оказалось в свободном полете, а выпустило аэродинамические стабилизаторы и принялось ими подрывать в направлении уходящей цели.

Мы с Чернухой переглянулись и, не сговариваясь, перезарядили оружие. К этому времени выпущенные нами бомбы снова сбросили балласт, в этот раз отстрелили стабилизаторные кольца, и круто врубились в воду. На проекции прицела тут же появились рубиновые искры,

показывающие положение погружающегося снаряда относительно меток торпед. Пару секунд первая бомба погружалась, и только оказавшись на минимальном расстоянии от большинства торпед в стае, совершила подрыв. Остальные твари дернулись в стороны, но снаряд Чернухи отработал с не меньшей эффективностью. Воздух дрогнул. Я представил, как в небо взлетели мощные фонтаны воды от вторичных детонаций, хотя не мог их видеть за скалами. Прицел тут же произвел пересчет меток, высветив две цифры – зеленым цветом обозначил число уничтоженных тварей, а желтым число оставшихся.

– Ни хрена себе! – вырвалось у меня.

– Да, так можно охотиться, – согласилась Чернуха.

Всего двумя выстрелами мы уничтожили четырнадцать торпед, почти треть от их начального числа. Не теряя времени, чтобы не дать тварям рассредоточиться, мы дали еще двойной залп и снова перезарядили стволы.

Но все же у этого оружия был и минус. Достаточно тяжелые глубинные бомбы, в отличие от скоростных зенитных ракет, имели среднюю скорость сто семьдесят метров в секунду, пролетая километр больше, чем за пять секунд. И хотя они весьма эффективно маневрировали и в воздухе, и в воде, стараясь уменьшить расстояние до цели перед подрывом, но твари все же воспользовались относительно большим подлетным временем и рванули не только в разные стороны, но и к берегу.

Это был отличный маневр. Высокие скалы создавали довольно широкую прибрежную мертвую зону, куда наши снаряды не могли попасть, как прямые лучи солнца не могут попасть в тень, отбрасываемую камнем.

Нормальная для торпед скорость – сорок узлов, это семнадцать метров в секунду, и за пять секунд каждой твари удалось проскочить больше восьмидесяти метров, то есть расстояние между ними увеличилось более, чем на сто метров от начального, хотя и начальное не было равно нулю.

– Нет, ну обидно же! – произнесла Чернуха, когда выпущенные нами бомбы взорвались, убив лишь по одной твари.

– Не все коту масленица, – ответил я.

Глядя на монитор прицела, я заметил, что торпеды не только рассредоточились, не только прижались к берегу, но и вытянулись в линию с боковым интервалом больше ста метров. При таких раскладах нам неизбежно придется их уничтожать по одной, на что не хватит боеприпасов.

Тут-то меня и осенило, как можно выкрутиться.

Я глянул на Чернуху, пытаюсь понять, дошло до нее то же, что и до меня. Похоже нет, она выглядела раздосадованной. Заметив мой взгляд, она вздернула брови в немом вопросе.

– Ну... – неопределенно протянул я. – Есть у меня кое-какая идея, как поставить тварей в неловкую ситуацию.

– Поделись.

– Ты меня к дьяволу пошлешь. Дело в том, что нам придется разделиться.

Я заметил, что Чернуха тут же поняла, о чем я.

– Хочешь дойти до обрыва и закидать их ручными бомбочками, которых у нас до фига и больше? – спросила она.

– Именно. Но как только я начну кидаться, они отойдут от берега, и мы их накроем из тяжелых ружей с двух точек.

– Годный план! – к моему удивлению ответила Чернуха. – За исключением одной проблемы. Что будет, если они попросту переберутся на другой берег бухты, а ты останешься на другом?

– Ха! – с довольным видом ответил я. – У нас же есть батиплан. Ты просто перевезешь меня на другой берег.

План был настолько безупречен, что не было причин его особо обсуждать. Мы проверили гарнитуры связи, я нацепил на себя сухопутный десантный каркас облегченного типа, без водометов, насовал туда ручных глубинных бомбочек, сколько смог тащить, и сунул за пояс БМФ-400. Тактического толку в нем не было, да и патронов осталось едва двадцать штук, но мне он просто нравился и хотелось с ним отправиться в рейд, подобно воинам древности.

Чернуха забралась в рубку и малым ходом на маневровых турбинах повела батиплан к выходу из бухты в надводном положении. Наверняка твари нас при этом слышали, но соваться в бухту пока не стали – имели опыт.

Без труда обойдя пирсовую зону на восточном берегу, Чернуха подвела «Толстозадого» к последнему пирсу и я, взвалив тяжелое ружье на плечо, соскочил на берег. Дальше выдвигаться к выходу из бухты на батиплане было небезопасно – торпеды могли напасть, и нам бы тогда точно не хватило времени для перезарядки ультразвукового орудия. Нужно было выдерживать безопасную дистанцию, для преодоления которой тварям понадобится больше времени, чем нам на забивку «банок».

Чтобы не рисковать, Чернуха дала малый ход назад, а я принялся карабкаться на гору, вершину которой венчали развалины сооружения, похожего на башню. Взобраться на гребень оказалось не так просто, как я ожидал – кругом валялись крупные глыбы, скалы срывались обрывами, а наверх можно было попасть лишь по старой дороге через руины города.

Руины, как руины, в общем-то, но стоило мне обернуться и взглянуть на них сверху, меня охватило отчетливое чувство тревоги. Что конкретно меня насторожило, я не сразу сообразил, но мое подсознание отметило какую-то странность, ускользнувшую от осознанного внимания. Лишь секунд через пять до меня дошло – характер разрушений однозначно указывает на уничтожение города не ракетным ударом с моря. Никакая платформа в здравом уме не станет класть ракеты слишком густо, для нее они ценный ресурс, который потом достаточно долго выращивать. Если бы тварь была баллистическими снарядами, то вывал зданий представлял бы собой участки с воронкой по центру, от которой бы по кругу шли убывающие разрушения. Но тут здания были разрушены все одинаково и почти до фундамента. К тому же, присмотревшись, легко было сделать вывод, что каждое здание было взорвано отдельно, причем изнутри, так как куски стен разлетались во все стороны, а не в одну, как было бы при прохождении ударной волны от ракеты.

– Чернуха! – передал я в эфир, стараясь не выдать дрожь в голосе.

– На связи.

– Причалъ к ближайшему пирсу, беги из рубки на в стрелковый комплекс и активируй пулеметную систему.

– С ума сошел? В кого тут из пулемета стрелять?

– Думаю, скоро узнаем. С локатора глаз не спускай. Я возвращаюсь на борт. Мы не учли один серьезный фактор.

– Какой?

– Мне кажется, город уничтожили не ракеты. Его смели сухопутные твари. И я не уверен, что все они принесли себя в жертву великой идее уничтожения этого города.

– Чушь! Их бы локатор показал. Он на пять километров видит все заводские маркеры.

– В воде или на поверхности да, – сказал я уже на бегу. – Но мне отсюда видно кое-что, чего мы не заметили при входе в бухту. На западном берегу имеется огромный вход в штольню. Она такого размера, что «Толстозадый» войдет туда на маршевом моторе, даже если за штурвал сядет Бодрый вместо тебя. Возможно, на восточном берегу тоже что-то подобное есть. В общем, ты уж не обессудь, я дам деру.

Я ожидал, что она мне припомнит моей выступление, в котором я призывал отказаться от страха перед биотехами. Ксюша бы меня точно поддела, даже сомнений нет. Но Чернуха отреагировала совершенно иначе.

– Я у восьмого пирса! – ответила она. – Верхний люк шлюза открыт. Активирую пулемет.

Глава 7. «Тактическая ошибка»

Вообще, если честно, у меня даже была мысль бросить ружье, чтобы не тащить на себе восемь килограммов, и как следует поддать. Но я сдержался, это уж было бы совсем никуда, да и мало у нас в арсенале тяжелых ружей.

Драпать было стыдно, особенно после моих разглагольствований о недопустимости страха перед тварями, но тут дело было не в страхе, как таковом, а скорее в грубой тактической ошибке, которую я допустил, пытаясь подавить страх. Мы привыкли верить показаниям радара, мы не подумали, что твари могут прятаться в штольнях. Мы расслабились.

Впрочем, это отговорки, я понимал, но и не драпать не мог, так как, окажись я прав, меня бы точно ждала смерть на берегу этой богом забытой бухты. У меня не было ни одного огнестрельного средства, способного защитить в случае нападения земноводных тварей. Даже если их всего пара. Даже если одна, дьявол ее заберет.

Едва не кубарем я скатился по растрескавшемуся стеклону дороги, думая, способны между собой общаться торпеды и земноводные или же нет. Если нет, то у меня был шанс. Вряд ли глубоко в штольнях меня слышно, а иначе вообще не узнать, что я выбрался из-под брони батиплана. Но если торпеды могли держать связь с тварями на берегу, подобно тому, как они коммуницировали с ракетными платформами, тогда беда. У них достаточно мозгов, чтобы делать выводы, когда дело касается выявления целей. Мы начали стрелять через воздух, глубинными бомбами, торпеды рассредоточились. Но они могли запросто передать патрульникам сообщение о необходимости проверить территорию на предмет наличия стрелка с ракетным ружьем. Хотя ракетные ружья, мне кажется, появились после создания биотехов, и об их существовании твари могли не знать, но торпеды постоянно демонстрировали сообразительность даже в условиях недостатка фактических данных. Они безусловно обладали абстрактным мышлением, о чем однозначно говорил ряд статей в Каталоге Вершинского, они могли строить предположения, создавать и проверять гипотезы, часто жертвуя жизнями сородичей. Все это требовало очень серьезного подхода, когда дело касалось любых стычек, но сейчас от этого вообще очень многое зависело, особенно с учетом уже совершенных ошибок.

Вскоре я увидел яркое подтверждение своим опасениям – из широченной штольни на противоположном берегу бухты вырвались и бросились в воду сразу десятки панцирных патрульников. Эти злобные твари, более всего похожие на помесь гигантского морского краба с не менее гигантским скорпионом, прекрасно чувствовали себя как в воздушной, так и в водной среде. Каждый взрослый патрульник весил больше тонны, и нес внутри тела десятилитровый резервуар с нитрожиром. Двигались на суше они очень быстро, заряд взрывчатки использовали крайне редко, у них и без него был внушительный арсенал для рукопашной схватки, и не менее внушительная броня в виде панциря. Нам, вдвоем с Ксюшей, имея легкое ракетное ружье и винтовку, нередко удавалось убивать этих тварей, но лишь потому, что в наших краях их никогда не бывало очень много. Пара, не больше. Тут же их была прорва, и мне их ни при каких обстоятельствах было не одолеть.

Уже не десятки, а сотни патрульников выскакивали из штольни и прыгали в воду, в безудержном желании преодолеть ширину бухты и разорвать случайную жертву на части. До меня дошло, что если включить прицел ружья, то я смогу видеть скопления тварей на радарной проекции, и даже глушить их глубинными бомбами, пока они в воде. В принципе, это повышало мои шансы добраться до батиплана раньше, чем от меня останется лишь ременная пряжка. Не сбавляя ходу, я активировал прицел, и снарядил ружье бомбой из патронташа.

Но стоило мне глянуть на радарную проекцию, я понял, что шансов у меня даже больше, чем я изначально думал. В запале отступления я совсем забыл о боевом профиле для ультразвуковой пушки, который сам же написал. Ему, этому профилю, вообще было без разницы,

торпеда сунется в бухту, или же любая другая тварь, имеющая заводскую метку. Поэтому, стоило патрульникам оказаться в воде, наше ультразвуковое орудие тут же начало молотить в гущу тварей мощными ультразвуковыми импульсами с паузами в пять секунд. А гуща для такой пушки – самая эффективная тактическая позиция, потому что луч ультразвука был шире расстояния между берегами бухты, и ничего в ней от выстрела укрыться не могло. Ну, так мне показалось вначале, но после третьего залпа стало ясно, что все далеко не так радужно.

Когда мы вели бой с торпедами, я сетовал, что те выдерживают слишком большие боковые интервалы при нападении, и нам приходится на каждую тварь тратить по выстрелу. Когда они нападали более плотными стаями, один импульс выкашивал пять тварей, иногда и больше, если повезет. Но с патрульниками вышла совсем другая беда, прямо противоположная. Они двигались по дну слишком густо, настолько густо, что одни гибли, заслоняя от ультразвука других, давая им возможность прорваться к берегу. В общем, я понял, что ружье активировал совсем не зря, пальнул по прорвавшейся, но еще не выбравшейся из воды группе, и зарядил следующую бомбу.

При этом боевой профиль ультразвуковой пушки продолжал весьма эффективно косить тварей, моя бомба тоже сделала свое дело, не только отбросив прорвавшийся авангард от берега, но и вызвав не слабую волну вторичных детонаций. В каше исчезающих на радарной проекции меток трудно было разобрать, куда нужно бы стрельнуть, а куда уже бессмысленно, поэтому я продолжал мчаться вперед, глядя то под ноги, то на голографический дисплей.

Наконец стало ясно, куда лучше выстрелить, и я выстрелил, но это мало мне помогло, поскольку сообразительные твари разделили атакующий поток на три рукава. Я успел купировать только ближайший ко мне, но дальний, которому ультразвуковые удары практически не доставались ввиду затенения менее удачливыми сородичами, успешно преодолел водную преграду. На мой берег выскочило сразу двенадцать тварей, прежде, чем я успел и туда послать реактивную глубинную бомбу.

Это было так плохо, что хуже некуда. Им до меня двести метров, которые они преодолеют секунд за двадцать даже с учетом пересеченной местности, а мне до батиплана метров триста, и преодолею я их не быстрее, чем за минуту. То есть, пытаться спастись бегством уже не имело смысла. Куда лучше было потратить отпущенные мне два десятка секунд на оборону. Впрочем, и в ней смысла не было, рано или поздно на берег выберутся еще твари, и тогда мне точно конец.

Очень трудно выбирать наименее бессмысленное из двух совершенно бессмысленных действий. Но именно это мне пришлось делать. В такие мгновения, как издевка судьбы, вспоминаются дурацкие философские заявления, типа, что любой недостаток на самом деле – скрытое достоинство. Может, оно и так, но что-то в моей ситуации достоинства скрыты были так глубоко, что ни одно даже отсвета не отбросило.

Вдруг меня осенило. Все же странная штука – подсознание. В бодрствующем состоянии оно то ли дремлет, то ли незаметно в тени осознанной части личности, но во сне или в критической ситуации оно проявляется, и проявления эти, реально, могут жизнь спасти. С какой-то поразительной степенью очевидности я осознал, что дурацкое, на первый взгляд, философское изречение натолкнуло меня на более чем продуктивный тактический ход.

Дело в том, что как только я помчался обратно к батиплану, заподозрив присутствие земноводных тварей, меня напрягал лишний груз. Даже возникла мысль бросить восьмидесятиграммовое ружье, оно здорово мне мешало, но, к счастью, стыд за страх, закравшийся в мою душу, остановил от столь недальновидного поступка. Если бы я бросил ружье, патрульники, уцелевшие после ультразвуковых выстрелов, уже давно бы выбрались на берег, и даже успели бы меня растерзать. Но теперь я подумал о другом грузе, а боевом каркасе за спиной, набитом ручными глубинными бомбочками. Я вспомнил, как эффективно мы пробивали себе ими путь при нападении ползучих змеевиков, и сообразил, что изречение вообще не дурацкое, оно полностью

соответствует реалиям моей ситуации, так как недостаток, которым казался мне лишний груз, оказался огромным достоинством в виде серьезного оружия против тварей.

По сути, глубинные бомбочки, размером со средних размеров яблоко, давали взрыв достаточной силы, чтобы и на воздухе оторвать патрульнику несколько конечностей, после чего от его прыти следа не останется. Взрыв такой бомбочки даже сильнее, чем взрыв ракеты из легкого ружья. Недостаток у них был только один, их особо далеко не кинешь, ну, хорошо если метров на двадцать. Но мне и не надо было их швырять далеко, поскольку я не собирался идти в атаку, мне надо было лишь отступить, успеть добраться до батиплана раньше, чем меня разорвут на части патрульники. Мне достаточно было создать позади себя барьер из бомбочек, ничего больше, а у меня их для этого было предостаточно.

Пальнув в последний раз из ружья, я его все же бросил, но не из страха, а совсем по другим соображениям. Мне нужны были две руки, а тяжелое ружье не предусматривало никакого крепления вроде ремня, оно для этого было слишком большим. Активировав раздаточный лючок боевого каркаса, я получил первую бомбочку, до отказа вывернул кольцо замедлителя против часовой стрелки и метнул так, чтобы она упала между мной и рванувшими следом тварями. Такой поворот кольца устанавливал взрыв с замедлением в десять секунд на нулевой глубине, то есть, в воздухе. Не теряя ни одного мгновения, я снова подставил руку к лючку, получил еще одну бомбочку, и так я успел метнуть их восемь штук, прежде чем рванула первая.

Для патрульников что бомбочка, что камень, никакой разницы, они в броске руками не увидели никакой угрозы, как перли на меня по кратчайшей траектории, так и продолжили. Но когда они преодолели половину расстояния до меня, рванула первая бомбочка, буквально в метре от патрульника, разможив ему морду камнями и осколками. Он проскочил еще немного через воронку и закувыркался в клубах дыма и пыли, поднятой взрывом. Через секунду рванула следующая бомбочка, затем еще и еще, ломая панцири, выворачивая конечности, круша все камнями и ударной волной. Я же продолжал кидать бомбочки, поворачивая кольцо лишь до половины, чтобы сократить время работы замедлителя до пяти секунд.

Суматоха на месте первых взрывов замедлила натиск тварей, а те, что прорвались, налетели на вторую порцию бомбочек. Я же схватил ружье и рванул к батиплану, на ходу включая прицел. Как же хорошо, что я не бросил ружье! Смотреть на радарные метки преследующих меня патрульников было не в пример легче, чем постоянно оглядываться. К тому же взрывами подняло в воздух целое облако пыли, и через него вообще мало что можно было разглядеть. Метки же были четкими, и показывали только живых биотехов, точно выдавая их местоположение и дистанцию до меня. Это позволило мне принять взвешенное решение – остановиться и добить бомбочками оставшихся тварей. Для гарантии я швырнул двенадцать бомбочек, но легли они не очень удачно, троих патрульников покосило, но один все же прорвался и ринулся на меня.

– Ложись! – раздался голос Чернухи у меня в наушниках.

Я понял, к чему это она, и, не смотря на стремительно сокращающееся расстояние до твари, бросился в развалины ближайшего дома. Тут же надо мной воздух прошила пулеметная очередь, оставляя в воздухе дымные следы трассирующих пуль. Чернуха, похоже, додумалась включить автомат наведения по радарным меткам, потому что все пули попали точно в цель, человек так стрелять не может. Пулемет оказался мощным, патрульника прошила пулями на сверхзвуковой скорости, выдирая из панциря куски, размером в две ладони и оставляя в воздухе облако кровавой взвеси. На землю тварь рухнула уже дохлой, но мое положение, не смотря на все усилия, становилось лишь хуже.

Еще три стаи, примерно по десятку, особой выбрались на берег в трех разных местах и бросились на меня, что чудовищно осложнило мою задачу. У меня не хватало скорости нашвырять нужное количество бомбочек, поэтому я выкрикнул в микрофон гарнитуры:

– Я гашу правую стаю!

Это дало возможность Чернухе сосредоточить всю плотность огня на двух десятках тварей, находившихся ближе ко мне, а я залег за остатками стены дома и принялся лупить из ружья по тварям, готовым вырваться из воды на сушу.

– Ползи к батиплану! – крикнула мне Чернуха. – У меня патронов не хватит в бункере!

Она была права, мой огонь из ружья хотя и произвел заметный эффект, но если я останусь на занимаемой позиции, мне все равно конец, так как заряды в патронташе скоро кончатся, патроны в пулеметном бункере тоже, а бомбочками я точно не отшвыряюсь, когда твари ползут со всех сторон. Пока Чернуха может меня прикрывать, надо мчаться к батиплану, так как только добравшись до него я окажусь хотя бы в относительной безопасности.

Так что я перемахнул через стену под грохот брошенных мной бомбочек и, со всех ног рванул к батиплану, зная, что нахожусь точно на линии пулеметного огня. Для нервов это еще та нагрузочка, но я старался об этом не думать. Я вообще ни о чем старался не думать, даже на прицел не смотрел, потому что меня уже так обложили, что я все равно сделать уже ничего не мог. Мне оставалось надеяться только на пулеметный огонь с батиплана и на то, что Чернуха не даст тварям подобраться ко мне слишком близко. Тревожило, что у нее почти нет опыта в управлении средствами стрелкового комплекса, и, тем более, автоматом огневого контроля, но никто, кроме нее, прикрыть меня не мог, а сам я и вовсе оказался беспомощным.

Время от времени я принимал из лючка-подавателя очередную бомбочку и швырял ее за спину без всякого прицела, но понял, что в этом нет смысла, когда группа патрульников выбралась из воды в непосредственной близости от пирсовой зоны и устремилась мне наперерез. Я понял, что нам в любом случае не хватит огня, так как контроллер стрелкового комплекса при всей его прыти не успеет переводить огонь по углам больше девяноста градусов.

Это побудило меня швырять бомбочки не за спину, где я ничего не видел, а влево от себя, чтобы посесть патрульников, бросившихся наперерез. Это возымело действие – южный пирс ограничивал маневренность тварей, им приходилось выбираться из воды слишком густо, и бомбочки легли так хорошо, что выкосили почти всю стаю.

– Ложись! – крикнула в эфире Чернуха.

Тут уж медлить было нельзя, и я лягухой шлепнулся в заросли пушистого вейника между камнями. Надо мной басовито прошили воздух пулеметные пули, но насколько успешно они поражали цели, я видеть не мог. Зато я заметил, как два уцелевших патрульника из выкошенной мною стаи ломятся в мою сторону, прикрывшись невысокой скалистой грядой. Их Чернуха из пулемета точно достать не могла, да ей и без того было куда стрелять, поэтому я выхватил бомбочку, метнул ее, затем еще и еще. Я не мог метать далеко, так как у меня не было возможности приподняться из-за мчащихся над головой пуль. В результате я только спугнул тварей, но следующим броском мне одну все же удалось срезать. Второму патрульнику до меня было секунд пять ходу, но и мне до батиплана оставалось не далеко.

– Беги! – велела Чернуха.

Все же оглянувшись, я с трудом поверил глазам, столько тварей накосила она из пулемета. Позади меня, и правее, лежали, без преувеличения, груды шипастых панцирных тел, но и через них уже карабкались новые твари, толпами выбирающиеся из воды. Меня выручало лишь то, что в непосредственной близости от батиплана при выстреле ультразвуковой пушки выжить ничего не могло, поэтому у патрульников уже не получалось ни отрезать меня от цели, ни даже атаковать с левого фланга. Они вынуждены были выбираться из воды дальше к югу, оставляя мне запас метров в семьдесят.

Я уже готов был выскочить на пирс, ведущий к батиплану, когда понял, что снова недооценил тварей. Да, ультразвуковая пушка уничтожала все вблизи батиплана, но только не за пирсом. Его подводная часть была, как стена, и за этой стеной скопилось несколько тварей, умудрившихся до нее добраться. Стоит любой из них взорваться, и мне конец. Хотя пат-

рульники взрывались лишь в самом крайнем случае, но это для них как раз и был крайний случай.

Чернуха отсекала от меня тварей, пытающихся прорваться с тыла и с правого фланга, но я понимал, что патронов в бункере хватит хорошо если еще секунд на десять. Тут я снова поразился, что не бросил ружье. Снарядив реактивную глубинную бомбу, я шарахнул в воду у края пирса с короткой дистанции, почти прямой наводкой, боясь, что программа наведения не была на это рассчитана. Но все же наши кибернетики не зря ели свой хлеб. Бомба вошла в воду на активном участке траектории и шарахнула, вызвав две вторичных детонации. Ввысь полетели оторванные от пирса куски строительного композита и полимерной арматуры, но, кроме них, заметны были и фрагменты тел биотехов. Мне оставалось надеяться, что я убил всех, а другие не смогут прийти им на смену из-за ультразвуковой пушки. В любом случае, не теряя времени, надо было промчаться по пирсу до батиплана и нырнуть в спасительный шлюзовой люк. Ничего другого меня уже спасти не могло.

Я бросился вперед. Мне так еще никогда в жизни бегать не приходилось, я всю душу вложил в этот рывок.

– Патронов на пять секунд! – сообщила Чернуха.

Я понял, что успеваю, что когда кончатся патроны в бункере, тварям с правого фланга еще понадобится секунд десять, чтобы добраться до пирса, а потом еще по нему пробежать. А он узкий, патрульники-то намного крупнее меня. Эта уверенность придала мне сил и я еще поднажал.

Но когда мне уже меньше десятка шагов оставалось до черного борта батиплана, между ним и мной выскочил из воды на пирс уцелевший партульник.

Я как-то сразу понял, что он не взорвется. Я был для него слишком легкой мишенью, он без труда за миг убил бы меня боевыми конечностями. Чернуха не могла мне помочь, не получится стрелять в партульника, когда я прямо за ним, его прошьет из пулемета навывлет, а следом меня. Бомбочки тоже не применить – времени не хватит выставить замедлитель. Да и прямой наводкой из ружья я не мог пальнуть, потому что мощным взрывом, попади я в цель, меня тоже накроет. Был бы у меня гарпунный карабин, пусть даже легкий, это бы кардинально изменило ситуацию в мою пользу. Но карабина я не взял. Тактическая ошибка.

Но тут я вспомнил про трофейный БМФ-400, заткнутый за пояс. Я его выхватил, помня, что он выставлен на автоматический огонь, навел ствол на партульника и, почти в упор, выпустил ему в морду все оставшиеся двадцать пуль одной очередью.

Тварь чуть отпрянула, опустила боевые конечности, просела на ходовых, а затем медленно, как во сне, покосилась на бок и соскользнула с пирса в воду, почти не подняв брызг. Я же преодолел оставшееся расстояние и нырнул в люк.

– Внутри! – сообщил я Чернухе.

Она дистанционно включила механизм запираания, но с места батиплан не сдвинулся. Я сообразил, что Чернуха не в рубке, а в огневом комплексе, так как с дополнительного пульта нельзя было управлять пулеметом. Чтобы дать задний ход, ей нужно время добежать по узкому коридору до рубки, сесть в кресло и дать тягу маневровым турбинам. Но за это время патрульники с правого фланга легко могли добраться до воды, и, прикрывшись пирсом от ультразвуковой пушки, подорваться в непосредственной близости от батиплана. Пара таких взрывов, и маневровым турбинам конец, и датчикам сонаров конец, и, возможно, конец линзам ходовых камер. Мы ослепнем, оглохнем и потеряем любой ход, кроме маршевого мотора, но на нем нам, особенно вслепую, не выйти из извилистой бухты.

Что мне оставалось делать? Я шлепнул рукой по кнопке отпирания внешнего люка, и пока его лепестки расходились в стороны, снарядил ружье бомбой из патронташа. Высунувшись, я увидел именно то, что и ожидал – патрульники бросались в воду за пирсом, но часть из них, самые хитрые, решили гуськом прорваться по самому пирсу до батиплана. Те, что

в воде, представляли опасность для батиплана, те, что на пирсе, угрожали мне самому. Это был отличный тактический ход со стороны противника, но и я был не лыком шит. Сначала я пальнул из ружья в воду, уже по опыту зная, что это вдоль пирса никого в живых не оставит, а затем начал доставать из подавателя каркаса ручные бомбочки, и метать их на пирс с минимальным замедлением. Пока они подрывались, сметая тварей в воду ударной волной, я перезарядил ружье и снова из него шарахнул. Тварей, что упали по нашу сторону пирса, убила в воде ультразвуковая пушка, а тех, что повалились за пирс, прикончила выпущенная из ружья бомба.

К этому времени Чернуха добралась до панели управления и дала средний назад на маневровых турбинах. Я улыбнулся, убрался в шлюз, врубил запирающие верхнего люка и открытие нижнего. Пора было занять место в стрелковом комплексе, но сначала требовалось заменить кассету с патронами в пулеметном бункере.

Глава 8. «Между Сциллой и Харибдой»

Боевой каркас и ружье я бросил прямо в коридоре, у шлюза, потому что в тесном пространстве батиплана и так было не развернуться.

– Перезаряджу пулемет! – сообщил я Чернухе.

– Сейчас у нас есть занятия поважнее, чем упражняться в стрельбе по наземным целям, – ответила она. – Бегом за пульт, иначе от нас ножки да рожки останутся.

Я вообще не понял, о чем она. На мой взгляд, самое страшное осталось позади, и нам, фактически, уже ничего не угрожало под крепкой броней из реликта. Торпеды в бухту не войдут, их не впустит мой гениальный боевой профиль, патрульники хороши на суше, в воде они так себе противники. К тому же, мы все равно не могли использовать никакие огневые средства, кроме ультразвуковой пушки, а она и так работала с перерывом лишь на забивку ионных «банок». Без моего участия, в автоматическом режиме.

Но забравшись в кресло стрелкового пульта, я понял, что Чернуха права, и дела у нас неважные. Патрульников было не просто много, а очень много. Это как с муравьями. Один укусит, и не заметишь, десяток атакуют, уже неприятно, а если их тысячи, тогда точно останутся рожки да ножки. Пока Чернуха вела батиплан средним ходом назад, в глубину бухты, патрульники отставали, но бухта маленькая, мы скоро упремся кормой в берег, и тогда нас гарантированно зажмут. Ультразвуковой пушке не хватит огня с учетом времени перезарядки. Казалось бы, вот вам и мотивация нарушить приказ Вершинского, типа, обложили, пришлось долбить из всего, что стреляет. Но я уже понял, почему приказ нарушать нельзя. Мне стала понятна сама суть идеи Вершинского, зачем этот рейд, почему нельзя применять любые средства, почему именно на этом батиплане, и даже почему без Ксюши.

Это была проверка. Нет, не нас собирался проверить Вершинский на крепость, и уж точно не мою благонадежность в плане точного выполнения приказов, как я поклялся. Нет, дело совсем не в этом. Он хотел вообще понять, можно ли нас выпускать в океан. Точнее, нужно ли? Ведь если мы останемся одни с «Толстозадым» на островной базе, нам там не отдыхать придется. Нам нужно будет уничтожать биотехов, ракетные платформы, причем, океанского класса, а они в сравнении с морскими, как кашалот против дохлой селедки. Возможно ли это вообще, вот что хотел понять Вершинский. Не в нас он сомневался, и даже, по сути, не в батиплане. Он сомневался в уязвимости биотехов, если брать ее в более широких масштабах, не в морских, а в океанских, когда подкрепление в виде свеженьких тварей сможет подтягиваться бесконечно, пока все торпеды в океане не кончатся. А их там много, жизни не хватит дожидаться такого счастья.

По этой причине он запретил применять другое оружие, кроме ультразвука. Если нам тут, в море, уже почти очищенном от тварей, не хватит ультразвуковой пушки, смекалки, сноровки и смелости, то в океане мы точно окажемся беспомощными, даже с учетом всех имеющихся на борту огневых средств. С гарантией. Если мы тут не справимся, то в океане нам попросту нечего будет делать, и нас незачем туда отправлять. Лучше тут чем-то заняться, например, расчисткой Средиземного моря. А что, тоже ведь надо, рыболовство возродить, морскую торговлю.

Главное состояло в том, что если мы не справимся, если нас зажмут, с нами под реликтовой броней ничего не станет. Ну, выйдут из строя все камеры и датчики, вынесет лопатки турбин, будем сидеть и ждать, когда прилетит Вершинский, вычистит бухту с воздуха глубинными бомбами и достанет нас, как сардин из консервного картриджа. Таким образом, пусть даже пожертвовав батипланом, он выяснит, чего эти батипланы стоят, не в теории, а на практике. Если ничего, то и не страшно один из них потерять, в океане от него все равно толку не будет, а если «Толстозадый» чего-то стоит, так мы его и не потеряем.

Ксюшу он с нами не отправил, потому что Ксюша с реликтом в крови – сама по себе огневое средство, причем, не слабое. Она ход любой схватки способна переломить в нужную сторону. Но если мы без нее не справимся в море, в океане она нам тоже не сильно поможет.

В общем, нарушать приказ Вершинского не имело смысла. Я понял, что если мы используем всю огневую мощь, мы спасем батиплан, но применить его все равно будет нельзя. В море его нельзя будет использовать из-за секретности, а в океане из-за бесполезности. Получалось, что лишь в точности выполнив приказ, мы сможем доказать возможность применения «Толстозадого» в океане. Никак иначе.

Я поделился соображениями с Чернухой, она признала рассуждения логичными, но поинтересовалась, как мы будем действовать, исходя из этой логики. Вариантов, на самом деле, было немного.

– У нас много ручных бомбочек, ими можно какое-то время сдерживать натиск патруль-ников, – ответил я. – Можно кидать их прямо из шлюза.

– Для начала пойдет. Но костюм надень, чтобы у тебя радарная проекция была перед носом.

– Да, пожалуй. Но грибок впрыскивать нет смысла, мне же не уходить на большие глубины, возьму несколько дыхательных картриджей на каркас.

– Разумно, – согласилась Чернуха.

Я глянул на монитор и убедился, что глубина под нами чуть более десяти метров, а это смех на палке, не глубина. Тут грибок точно не нужен, от него тут больше проблем, чем пользы. Вот порошковые газогенераторы – в самый раз.

Понимая, что мое присутствие в стрелковом комплексе ничему не поможет, я перебрался в арсенал, сменил кассету в пулеметном бункере, облачился в гидрокостюм, снарядил каркас до отказа бомбочками, в отдельный отсек сунул дыхательные картриджи, забрался в шлюз и закрыл нижний люк.

За это время монитор шлема активировался, и я принял на проекцию гиперволновой сигнал от бортового вычислителя батиплана, способного снабдить меня всей необходимой информацией, включая копию радарной и сонарной проекции. У костюма были собственные средства обнаружения, но я их не стал использовать по двум причинам. Во-первых, броня из реликта поглощает любой сигнал, и сквозь нее радар костюма работать не будет. Во-вторых, вычислитель батиплана несравнимо мощнее имеющегося в костюме, и я могу получать любые нужные данные моментально, включая и те, которые костюм самостоятельно выдать не в состоянии, например изображение с ходовых мониторов рубки.

Радарная проекция не порадовала – до берега перед кормой оставалось всего ничего, а патрульники напирали с фронта и флангов. Ультразвуковая пушка по ним молотила, но передние заслоняли дальних, и ситуация была так себе. Хуже того, торпеды у входа в бухту тоже прочухали, что пушка занята патрульниками, и нагло вошли в бухту. Мой гениальный боевой профиль их проигнорировал ввиду того, что я выставил приоритет огня в зависимости от количества целей. Патрульников было больше, они были ближе, вот пушка на них и нацелилась. Пора было вмешиваться.

Но вмешиваться надо было не в работу автоматики орудийного комплекса, а иначе. Когда разошлись лепестки внешнего люка, я принялся кидать бомбочки наружу, выворачивая кольцо замедлителя на четверть хода по часовой стрелке, что отменяло задержку по времени, и устанавливало подрыв в зависимости от глубины, метрах в пяти ниже поверхности. Стоило рвануть всего двум бомбочкам, это сразу улучшило ситуацию, так как нескольких патрульников буквально разнесло в клочья, многих оглушило фугасным действием под водой, а затем еще один детонировал, внеся масштабную сумятицу. Тварям стало ясно, что мы можем защищаться, как минимум, на дистанции двадцать метров от корабля, и нахрапом нас не взять.

Высунувшись из люка по пояс, я кинул еще три бомбочки на правый фланг, затем еще три на левый, отогнав патрульников на расстояние почти в полсотни метров от батиплана. Чернуха сбросила ход и стабилизировала положение «Толстозадого» в пяти метрах от скалистого берега.

Дальше, чем на двадцать пять метров я кинуть бомбочку не мог, даже если жилы порву, и, с учетом радиуса поражения, я мог держать патрульников на расстоянии метров пятидесяти. Это было начало, а дальше меня выручила ультразвуковая пушка. У нее чем больше дистанция до цели, тем шире луч. Поэтому, когда твари нас подпирали, у нее эффективность была не очень высокой, но в пятидесяти метрах она уже нормально дала противнику прочихаться. Вот только била она хаотично, мой гениальный боевой профиль был рассчитан совсем на другую тактическую ситуацию. Его надо было поменять, но сделать это можно было только из стрелкового комплекса.

– Чернуха, надевай костюм! – передал я в эфир. – Смени меня, надо срочно доработать профиль, иначе будет туго.

– То-то у нас сейчас все зашибись, – с иронией заметила она. – А в рубке кто будет?

– Никто. Мы же все равно стоим. Я быстро, одна нога там, другая здесь.

– Ясно. Жди.

Мне пришлось еще разок кинуть девять бомбочек, по три в каждом направлении, когда патрульники попытались сократить дистанцию. Это не только их отрезвило, но и порядком уменьшило численность в непосредственной близости от нас. Но торпеды, судя по меткам на радаре, начали нагнать, сформировали две стаи и активно сканировали ультразвуком акваторию бухты. Примерялись. В них взрывчатки намного больше, чем в патрульнике, так что их подпускать на пятьдесят метров уже довольно опасно.

Минуты через три нижний люк открылся, и ко мне присоединилась Чернуха, сразу достав бомбочку из каркаса.

– Кольцо замедлителя на четверть по часовой стрелке, – напомнил я. – Три бомбочки по фронту, с хорошим разбросом, и по три на каждый фланг. Это заставляет их подумать, прежде, чем рваться вперед.

– Я видела на радаре, – сообщила Чернуха. – Давай, не тяни время. Нам может понадобится маневрировать.

Я соскользнул вниз, на ходу придумывая, как поменять алгоритм боевого профиля, чтобы он работал эффективнее в текущей тактической ситуации. В принципе, достаточно было тупо прописать в нем, что если торпеды выйдут на атакующий курс, нужно делать поочередно один выстрел по ним, другой по патрульникам, без учета приоритета по количеству целей и дистанции до них. Но уже усевшись в кресло, я понял, что этого мало, что это обеспечит нам на какое-то время оборону, но кардинально ничего не изменит. Нам нужно атаковать, размазать внутренности тварей по дну бухты, выйти из нее в открытое море и продолжить путь, согласно плану.

Еще с минуту подумав, я инклидировал в профиль круговую процедуру, по которой пушка перестанет бить туда, где тварей больше и они ближе, а будет вести огонь только поочередно по тылу, если там появится противник, по правому и левому флангу, если торпеды не выйдут на атакующий курс. Если выйдут, тогда один выстрел по ним, один назад при необходимости, снова по торпедам, по левому флангу, снова один по торпедам, и один по правому флангу. Стрелять по фронту я пушке запретил, взяв это на себя, сохранил профиль под другим именем, и помчался обратно.

Судя по изображению на забрале шлема, Чернуха уже дважды метала бомбочки, и оба раза весьма успешно. Патрульники отступали все дальше, неся потери, торпеды замерли, не знали, какое принять решение. Это уже хорошо. Заставить тварей задуматься, это само по себе не слабое достижение для человека.

– Смена караула! – произнес я, высунувшись из люка. – Давай в рубку, будем думать, как выбираться.

Чернуха нырнула вниз, а я ей в эфире рассказал суть нового профиля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.